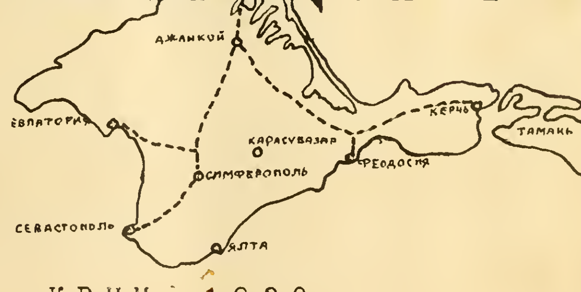
ОРЛОВЩИНА

К Р Ы М   1 9 2 0 г.

Владимир.В. АЛЬМЕНДИНГЕР.

Отдельный оттиск из журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА",
издание Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского
генерала Корнилова похода.

Лос Анжелес,1966 г.

ОРЛОВЩИНА

КРЫМ 1920 г.

Владимир.В. АЛЬМЕНДИНГЕР.

Отдельный оттиск из журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА",
издание Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского
генерала Корнилова похода.

Лос Анжелес, 1966 г.

М. Г.

В журнале "Вестник Первопоходника" /Лос Анжелес, Калиф./ за 1966 год в номерах 59 - 64 было опубликовано, составленное мною, повествование "ОРЛОВЩИНА". Под этим названием и другими /обер-офицерская революция, орловское движение, восстание кап. Орлова/ вошла в историю гражданской войны на юге России в 1920 году эпопея, связанная с именем кап.Николая Орлова. Эта эпопея, могшая, при благоприятном развитии ее, иметь преждевременно тяжелые последствия для Белой Армии, прошла, как будто, малозамеченной в литературе о гражданской войне.

Повествование, составленное на основании воспоминаний автора и лиц, знавших Орлова и его "эпопею", подкрепленное выдержками из уже опубликованного материала, разделено на три части. В них подается образ кап. Орлова ко времени его выступления, уточняются причины, приведшие его на скользкий путь; затем описывается формирование отряда кап.Орлова, его первое и второе выступление и, связанные с этим, события того времени; наконец, проводится анализ происходившего и делается заключение.

В моем распоряжении имеется ограниченное количество отдельных оттисков повествования, которые предлагаются вниманию лиц, не имеющих возможности ознакомиться с ним. Желающие приобрести брошюру, благоволят писать по адресу:

Стоимость брошюры с пересылкой $1.15.

В. Альмендингер.

ОТ АВТОРА.

Предлагаемое повествование - "ОРЛОВЩИНА"- было напечатано в журнале "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" за 1966 год в номерах 59 - 64. Редакция журнала, идя навстречу моей просьбе, любезно изготовила для меня некоторое количество отдельных оттисков, за что прошу Редакцию принять мою искреннюю признательность и благодарность.

При изготовлении обложки и заглавного листа оказал мне очень большую помощь Юрий П. КАЧАКОВ. За его исключительную помощь выражаю ему свою глубокую благодарность.

Считая, что настоящее повествование не является вполне исчерпывающим, прошу читателей, имеющих какие-либо данные или сведения, относящиеся к "Орловщине", не отказать в присылке их мне для возможного дополнения уже написанного. Буду очень благодарен.

Декабрь 1966 г. В.Альмендингер.

О Р Л О В Щ И Н А

"Орловщина", "орловское движение", "обер-офицерская революция", "восстание капитана Орлова" - под такими названиями вошла в историю гражданской войны на Юге России в 1920 г. эпопея, связанная с именем капитана Орлова, Николая Ивановича. Это печальная страница Белого Движения, и позорно окончилась она.

Эта эпопея (или "эпизод" гражданской войны) прошла, как будто, малозамеченной в литературе о гражданской войне; между тем, при благоприятном развитии ее, она могла иметь преждевременно весьма тяжелые последствия для Белой Армии.

Ряд запросов о деле Орлова и судьбе его, полученных мною после выхода книги "Симферопольский Офицерский полк. 1918-1920", и кажущийся пробел в литературе по данному вопросу побудили меня, по мере возможности, осветить это дело. Отсутствие многих документальных данных и невозможность пользоваться какими-либо архивами затруднили работу, но я старался использовать все доступные мне источники.

Настоящее повествование - материал исключительно исторически-бытовой. Не имея на руках документальных данных, пришлось пользоваться указанными ниже книгами, своей памятью и воспоминаниями лиц, знавших кап.Орлова и знавших его "эпопею". Повествование это, основанное во многом на воспоминаниях, не может поэтому считаться вполне исчерпывающим.

Повествование разделено на три части:

В первой части подается образ кап.Орлова ко времени его выступления и уточняются причины, приведшие его на скользкий путь.

Во второй части описывается формирование отряда кап.Орлова,его первое и второе выступление.

В третьей части проводится анализ изложенного в первых двух частях и делается заключение.

Работа по составлению предлагаемого повествования не могла бы быть выполнена, если бы я не нашел интерес и поддержку со стороны некоторых друзей и знакомых, любезно предоставивших мне материал и свои воспоминания. За это прошу их принять мою сердечную благодарность.

При составлении настоящего повествования были частично использованы следующие источники:

1. Ген.А.Деникин. Очерки Русской смуты. том 5-й. 1926.

2. Белое Дело. Летопись Белое борьбы. Книги 5 и 6. Записки ген. П.Н.Врангеля.

3. Я.Шафир. Орловщина. Статья из книги: Антанта и Врангель - Сборник статей. Выпуск 1. Москва-Петроград. ГИЗ. 1923.

4. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 годов. Книга вторая. Составил В.Е.Павлов. Париж 1964.

5. Г.Н.Раковский. В стане белых (От Орла до Новороссийска).Константинополь. 1920.

6. П.В.Макаров. Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника красных партизан в Крыму. Ленинград 1929.

7. К.В.Агуреев, кандидат исторических наук. Разгром белогвардейских войск Деникина (Октябрь 1919 - март 1920). Москва 1961.

8. Д.Хант. Полуостров. Роман. Москва 1959.

9. Симферопольский Офицерский полк. 1918-1920. Составил В.Альмендингер. Лос-Анжелес 1962.

10. Фон-Дрейер, В. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918-1920 года. Берлин 1921.

Кроме указанных выше источников, были использованы воспоминания (письма к автору) следующих лиц: князя С.Г.Романовского (герцога Лейхтенбергского), В.П.Мяча, Е.С.Храмко, К.В.Мустафина, Г.Г.Панина, Е.Ильенко, Г.В.Яновского, С.И.Дементьева, А.Иванова, И.О.Гельгесена, Н.И.Широва.

Часть первая.

Первое воспоминание автора о семье Орловых (к которой принадлежал капитан Орлов, Николай Иванович) приходится на то время (приблизительно 1900 год), когда наша семья жила в конце Дворянской улицы (у водоразбора) в Симферополе и дом, где мы обитали, тесно соприкасался с садом и домом Орловых (улица гр.Толстого). Там в саду, помню, мы катались на салазках со снежной горы. С этого времени (раннего детства) осталось у меня воспоминание о молодых Орловых, как больших забияках.

Позже с Николаем Орловым, который был старше меня года на 4-5, встретился я в Симферопольской казенной гимназии. Других братьев его я не знал, так как они ничем не выделялись в гимназической среде. Николай же с самого начала в гимназии проявлял уже большую физическую силу, был хорошо физически развит; всегда отличный по гимнастике, вызывал со стороны учеников (особенно младших классов) особое уважение к себе, а в отношении физического развития он был идеалом всех. В смысле академическом он не выделялся, поведение его в гимназии было не из похвальных. Часто он был наказуем за проступки и в результате, не помню - из какого класса, он был исключен из казенной гимназии и поступил в частную гимназию Волошенко. Будучи в нашей гимназии и у Волошенко, он много занимался спортом: подниманием гирь, футболом и др. Имя его - Коля Орлов - еще тогда, когда он учился в гимназии, было известно любому симферопольскому школьнику, и он пользовался в их среде большим респектом и популярностью. Каждый в Симферополе его знал, и не только по его спортивным успехам, но и по его проделкам (о них я ничего особенного не могу вспомнить). Знали его не только в самом городе, но и на окраинах, на слободках.

Кончил Орлов гимназию, если не ошибаюсь, в 1912 году. Среднего роста, необыкновенно широкоплечий, с фуражкой на затылке, легкая походка, при ходьбе слегка наклоняющийся вперед и бросающийся сразу в глаза каждому своей фигурой - таким я вспоминаю его. По окончании гимназии, как я слышал, он поступил в Ветеринарный Институт в Варшаве. С этого времени я его потерял из виду и не знаю, как и когда он попал в действующую армию во время Великой войны. В 1913 году я уехал из Симферополя в военное училище и вновь услышал его имя и увидел его лишь в декабре 1917 года в Симферополе.

В декабре 1917 года, ввиду ухудшившегося политического положения в Крыму и ожидавшегося наступления большевиков со стороны Севастополя, Штаб Крымских войск в Симферополе, не полагаясь на расквартированные в городе запасные полки и бывший уже в это время в Симферополе Крымский Конный полк, решил сформировать офицерские роты для защиты столицы Крыма. Нужно сказать, что в декабре 1917 года в Сим-

ферополе скопилось огромное количество офицеров: бежавших с фронта после октябрьской революции, бежавших с Украины от преследования со стороны большевиков и украинцев и, наконец, офицеров уроженцев Крыма, прибывших туда вследствие приказа, разрешавшего офицерам переводиться из запасных полков по месту своего происхождения (своего рода репатриация). К декабрю 1917 года в Симферополе собралось много сотен офицеров.

Как уроженец Крыма, я возвратился из 48-го пехотного запасного полка в Симферополь 18 декабря 1917 года с назначением в 33-й пех. запасный полк. По прибытии в Симферополь, явившись в штаб запасного полка, я был зачислен в 10-ую роту младшим офицером. Ввиду большого наличия офицеров и, повидимому, общего неопределенного положения,никакого, связанного с обязанностями, назначения я не получил. Только было сказано в роте - иногда приходить. Так обстояло и со многими другими офицерами.

25-го декабря, совершенно случайно, я оказался в прикомандировании к Штабу Крымских войск, поступив на формирование "Ополчения Защиты народов Крыма"; там пробыл до занятия Симферополя большевиками 14-го января 1918 года (об этом периоде могло бы быть отдельное повествование).

В конце декабря я узнал, что будут формироваться офицерские роты и что формирование их, якобы, поручено кап.Н.Орлову. Впервые после 1913 года я услышал опять об Орлове, о том, что он находится в Симферополе. Он был в чине штабс-капитана, носил погоны 60-го пехотного Замосцкого полка. Когда, где и как он был во время Великой войны (на фронте), я ничего не могу сказать, ничего не слышал, никогда не пришлось с ним беседовать на эту тему. Формирование рот происходило по распоряжению Штаба. Помню одно собрание офицеров, на котором я случайно присутствовал, в самом конце декабря или в начале января, в офицерском собрании 51-го пехотного Литовского полка на Долгоруковской улице. Там было говорено о формировании рот и, если не ошибаюсь, было предложено записываться в эти роты, которые должны были быть расквартированы в начале в Собрании. Во главе рот был поставлен кап. Н.Орлов. Кто его назначил, каким образом произошел выбор Орлова для такой ответственной работы - сказать не могу. Его имя, однако, и его популярность в прошлом привлекали офицеров, особенно уроженцев Симферополя, каждый ему доверял. Формирование рот, однако, происходило медленно, вяло, нерешительно, без особого энтузиазма. Сколотить роты в хорошую боевую часть было тяжело также из-за недостатка времени, да и настроение чинов рот было не подходящее (говорилось о нейтралитете).

9-10 января 1918 года в Штабе стало известно, что большевики (матросы) высадились в Алуште и Ялте. Не имея там никаких войск, Штаб послал туда для отражения большевиков отряд, в состав которого входила офицерская рота под командой кап.Орлова. Отряд занял Ялту, но не надолго. Прибывший из Севастополя миноносец угрожал разрушить город, и городские власти просили отряд оставить город, дабы не подвергать его разрушению. Отряд отступил в направлении на Симферополь, тем более, что в это время большевики угрожали Симферополю со стороны Севастополя. Однако, по нераспорядительности Штаба, отряд не успел дойти до Симферополя, когда город уже был занят большевиками. Офицерская рота рассеялась; многие офицеры, с Орловым во главе,

скрылись в горах. Большевики позже старались захватить Орлова, но это им не удалось, несмотря на то, что временами он, переодетый, спускался с гор и приходил в Симферополь для свидания со своими родными.

Во второй половине апреля 1918 года Симферополь был занят наступающими немецкими войсками, большевики были изгнаны из Крыма. Началась немецкая оккупация. Немцы немедленно объявили регистрацию всех офицеров. В числе остальных явился и Орлов. В Крыму было организовано немцами Крымское Краевое правительство, во главе которого был поставлен генерал Сулькевич (татарин). Формирование воинских частей правительству не было разрешено, но для несения пограничной службы немцы разрешили сформировать "корчемную стражу" и "пограничный дивизион". В эти части стали записываться, главным образом, офицеры. Нужно сказать, что во время большевицкого владычества, с января по апрель, много офицеров, оставшихся в Крыму, было расстреляно большевиками; часть оставшихся в живых скрывалась, часть выехала из Крыма на север по домам, часть пробралась в Добровольческую армию. Все же большое число офицеров осталось в Крыму.

Внешне политическое положение в Крыму (в частности в Симферополе) казалось спокойным, в действительности же большевицкое подполье работало и можно было ожидать возвращения большевиков, как только германская армия оставит пределы полуострова. Конечно, в первую очередь, в случае прихода большевиков, грозила опасность офицерству. Большинство офицеров старалось как-то приспособиться к обстановке. Начали заниматься всем, кто на что был способен. Часто группы офицеров собирались в городском саду на Лазаревской улице, в армянском кафе "Чашка чая" на углу Дворянской и Пушкинской улиц, обсуждали положение, думали о будущем и, конечно, у всех в мыслях было одно и то же: необходимость объединения, дабы не быть застигнутыми врасплох. Кап.Орлов был завсегдатаем этих собеседований; его популярность,возросшая после его пребывания в горах, имела большое значение для назревавшего объединения. Приблизительно в начале июня вокруг Орлова собралась инициативная группа, имевшая целью сорганизовать местное и пришлое офицерство. Вскоре было создано так называемое "Общество взаимопомощи офицеров, и во главе его, председателем, стал капитан Орлов.

Целями этого общества были прежде всего учет, связь, информация офицерства и одновременно, по возможности, приискание работы для безработных. Канцелярия Общества поместилась в помещении бывшей "монопольки" (винной лавки) на углу Долгоруковской и Губернской улиц. Я заведывал учетом и отделом труда. Через нашу канцелярию прошло очень большое количество офицеров, и многие по нашей рекомендации вступили в корчемную стражу или в пограничный дивизион (между прочим, через наше Общество прошел и полк.Достовалов, сыгравший незавидную роль в январе месяце. Он прибыл из Москвы и желал связаться с Обществом взаимопомощи офицеров в Балаклаве, занимавшимся рыбной ловлей. С нашей рекомендацией он отправился туда). Приблизительно в начале августа возвратился из австрийского плена пор.Николай Турчанинов, друг Орлова по гимназии, и начал деятельно помогать Орлову в его работе. Орлов являлся в Общество каждый день. В задней комнате происходили совещания с членами "правления", которое было образовано по личному выбору Орлова. В сентябре, когда формирование пограничного дивизиона было в полном разгаре, когда от Орлова потребова-

лось больше работы, председательствование Обществом принял полк.Богдасаров (52-го пехотного Виленского полка). Полк.Богдасаров, однако, все время был в связи с Орловым и важные решения принимал только после совещания с ним. В половине октября все внимание наше было обращено на окончательное формирование пограничного дивизиона - будущих двух первых рот Симферопольского Офицерского батальона.

Работа была перенесена в казармы Крымского Конного полка, и 5/18 ноября прибывший из Ялты генерал Де-Боде, представитель Добровольческой армии в Крыму, принял две сформированные роты в состав Добровольческой Армии. С этого момента началось формирование Симферопольского Офицерского батальона. Орлов стал душой формирования, популярность его была велика и за ним шли все, кто его знал и кто слышал о нем; шли все, без различия рода оружия - записывались добровольцами офицеры пехотинцы, артиллеристы, технических войск; были и моряки. Записывались в роты добровольцами гимназисты и реалисты, личность Орлова привлекала их. Все помогали, кто как мог, чтобы сформировать батальон как можно скорее.

В начале декабря записался добровольцем в Армию полк.П.Морилов; он сразу же был назначен ген.Корвин-Кругковским командиром полка, которому предстояло развернуться из батальона, сформированного кап.Орловым. Это назначение, насколько можно было наблюдать, было неприятно Орлову - у него были отняты бразды правления, и его престиж был поколеблен. Теперь он был только командир батальона - самолюбие его было затронуто, и в результате энтузиазм его пал.

1-го января 1919 года кап.Орлов с отрядом был отправлен в Евпаторию для подавления восстания, поднятого в каменоломнях. Выполнив поручение (прибегнувши к крутым мерам), отряд возвратился в Симферополь.

В конце января (см. Симферопольский Офицерский полк, стр. 7-8) в Симферополе сложилась очень тревожная обстановка: с одной стороны увеличилась деятельность подполья, с другой стороны продолжалась инертность высших штабов. Обстановка эта, конечно, сильно беспокоила офицерство. Капитаны Орлов и Гаттенбергер (командир 2-го батальона), близко стоявшие к своим подчиненным ротам, доложили о настроении подчиненных командиру полка полк.Морилову. Инициатива доклада, по моему мнению, исходила от капитана Орлова, командира 1-го батальона, ротные командиры и офицерство которого лучше понимали положение в Симферополе, будучи в большинстве уроженцами города. Результатом доклада была подача рапорта Командующему Крымско-Азовской армии ген. Боровскому полковником Мориловым.

В дополнение к ранее написанному мною (см.книгу "Симферопольский Офицерский полк") считаю необходимым подробнее остановиться на истории этого рапорта. В начале февраля (не помню числа) как-то вечером я задержался в полковой канцелярии несколько дольше, чем всегда. Неожиданно в кабинет явился полк.Морилов в сопровождении кап.Орлова и Гаттенбергера. Они о чем-то возбужденно говорили: кап.Гаттенбергер сдержанно, кап.Орлов - возбужденно. Полк.Морилов просил меня покинуть на некоторое время кабинет, очевидно, для продолжения разговора. Спустя короткое время командир полка позвал меня обратно и продиктовал мне текст секретного рапорта на имя Командующего Армией. Рапорт был составлен сообща полк.Мориловым, кап.Орловым и Гаттенбергером. В присутствии полк.Морилова я напечатал рапорт на машинке

(с одной копией для полк.Морилова). Полк.Морилов на другой день рано утром представил его (по команде) через Начальника 4-й пех.дивизии ген.Корвин-Круковского Командующему Армией. О содержании рапорта, как особо секретного, в полку могли знать только полк.Морилов, кап. Орлов, кап.Гаттенбергер и я, как печатавший его на машинке. Однако на другой день, возможно, когда узнал о нем ген.Боровский, а может быть и раньше, содержание рапорта, если не в подробностях, то во всяком случае в общих чертах и в тенденциозном освещении (бунт), стало известно в Симферополе. Неоффициально подозревали в распространении его содержания начальника пулеметной команды шт.кап. С, - вставал, однако, вопрос: откуда он мог знать не только об его содержании, но и вообще о его существовании. Могло это исходить только из 1-го батальона, т.е. кап.Орлова - он, повидимому, познакомил с содержанием рапорта командиров рот, и это, при известной напряженности обстановки, стало достоянием многих. Полковник Морилов был более, чем поражен происшедшим; шт.кап. С. покинул полк.

История с рапортом (объясненная, как "бунт") произвела на полк. Морилова очень сильное впечатление (нужно заметить, что он вполне, как и батальонные командиры, соглашался с содержанием рапорта - рапорт не был вынужден у него). Относясь по прежнему к кап.Гаттенбергеру, он как-будто бы не совсем дружелюбно начал смотреть на кап.Орлова. Отношения у них - это можно было наблюдать со стороны - обоюдно похолодели.

Через несколько дней после рапорта 1-й батальон, во главе с кап.Орловым, был отправлен на фронт в Сев.Таврию. Действия батальона там описаны в моей книге "Симферопольский Офицерский полк" (стр.8-10).

8-го марта 1-й батальон присоединился на Перекопе к полку и затем действовал в составе полка - бои на Перекопе, Юшуни, отступление на Ак-Манайские позиции, занятие их на второй день Пасхи, утром 8-го апреля.

На Ак-Манайских позициях, по моему мнению, окончилась первая стадия деятельности кап.Орлова в рядах нашего полка. В этот первый период он ничем особенным, кроме формирования в начале, не отличился, не был выдвинут вперед. Казалось, наоборот, он был под каким-то подозрением, наблюдением. От Орлова, конечно, не ушло, что батальон в Сев.Таврию был послан, как, якобы, "бунтарский". В то же самое время от него не скрылись непорядки, касавшиеся армии, он кое в чем разочаровался. С этого времени и началось, как мне кажется, изменение в характере и взглядах Орлова на общее положение Белой Армии. Как ни странно, состояние обмундирования в полку сыграло косвенную роль во взглядах Орлова.

Состояние обмундирования в полку с начала формирования до Ак-манайских позиций было не на высоте. Все офицеры, солдаты и добровольцы являлись в полк в том, что каждый имел, что сохранилось от Великой войны. Никакого нового обмундирования (русского) в Симферополе выдано не было. Единственно, что частично помогло полку с обмундированием - захват нашим караулом, стоявшим на Чонгарском мосту, одного вагона германского обмундирования (в середине ноября 1918 г.). В этом вагоне было немецкое обмундирование - блузы, белье, разная мелочь и, что было особо важно в тот момент, высокие сапоги - они были очень и очень кстати. Но все это попало, главным образом, в 1-й батальон, так как 2-й батальон прибыл в Симферополь позже. В таком

положении вопрос с обмундированием обстоял и на Ак-Манае - то есть ни нового, ни старого обмундирования не было получено; между тем, бывшее в носке обмундирование за месяцы службы и боев пришло в негодность (первое поношенное английское обмундирование полк получил на Ак-Манае в конце мая месяца.).

В конце апреля или в начале мая в полку были получены сведения, позже подтвержденные штабом дивизии, что в Екатеринодаре для офицеров можно приобрести английское офицерское обмундирование, причем за комплект необходимо заплатить 500 рублей. Обмундирование находится, якобы, в Главном Интендантском Управлении в Екатеринодаре. Командовавший полком полк.Гвоздаков, сменивший полк.Морилова, видя своими глазами, в каком состоянии находится обмундирование полка, разрешил произвести сбор по 500 рублей с офицеров, желавших приобрести обмундирование. Записались и внесли деньги многие, если не все.Встал вопрос: как это обмундирование получить, кого послать в Екатеринодар за ним, учитывая, что могут возникнуть всякого рода затруднения. Командир полка решил послать комиссию из трех офицеров - энергичных, по возможности - имеющих в Екатеринодаре знакомства в нужных местах (в штабах, в интендантстве). Во главе комиссии был поставлен кап.Орлов, как представитель полка, и ему были приданы: поручик Давыдов, как представитель хозяйственной части полка, имевший, кроме того, кое-какие знакомства в Штабе Армии, и поручик Моропуло, начальник связи полка, - у него были хорошие и влиятельные знакомые в Екатеринодаре. Приблизительно в половине мая комиссия, снабженная деньгами и нужными бумагами, отправилась в путь.

К тому времени, когда полк 5-го июня с Ак-Манайских позиций перешел в наступление, от комиссии сведений все еще не было. Пробыв в Екатеринодаре более двух недель, комиссия нагнала полк лишь вечером 13 июня в дер.Аджий-Кат, недалеко от Джанкоя. На другой день полк имел дневку, и комиссия доложила командиру полка о результатах поездки и, вообще, о впечатлениях от нее. Результат был негативный, никакая протекция, ничто не помогало, никакого обмундирования для фронтовых частей не было (нового, офицерского типа). Общее впечатление комиссии было очень неутешительное: тыл в Екатеринодаре живет своей жизнью, интересы фронта тыловиков не особенно волнуют. Орлов, уже частично разочарованный перед отъездом, приехал в весьма подавленном настроении, и было впечатление, что он уже "покончил" с войной: ничто его не интересовало в полку, и он не принимал батальона до прихода полка в Б.Маячки (24 июня). Батальоном командовал временно шт.кап. Павел Турчанинов, командир 4-й роты.

Был июль месяц, на фронте было затишье, и полк простоял частично на Днепре у Каховки, частично в резерве в Б.Маячках и пополнялся. В половине июля из Штаба дивизии было получено приказание выделить из полка (назначить или добровольно) 10 офицеров для отправки в Таганрог, а оттуда в Сибирскую Армию адмирала Колчака. Командир полка, не желая назначать, предложил вызваться добровольцам. Одним из первых вызвался кап.Орлов и с ним из 1-й роты поручик Жильцов, уроженец Сибири; имена других не помню. Командир полка полк.Гвоздаков знал, что Орлов был основателем полка, но несмотря на это относился к нему почему-то холодно и не настаивал на том, чтобы Орлов остался в полку. Все, знавшие Орлова, были поражены его решением, и Орлов, попрощавшись, уехал из полка.

Чем можно было объяснить решение Орлова покинуть полк, который был сформирован и начал свою жизнь благодаря его энергии и его популярности? И не только покинуть полк, но уехать далеко в Сибирь, то есть покинуть наш южный фронт. Насколько вспоминаю сейчас, уезжал он без всякого энтузиазма - не то, как пор.Жильцев. Ничего не могло тянуть его в Сибирь - семья в Крыму, земляки в полку. Объяснение можно найти только в том, что он не чувствовал себя в полку уверенным - его престиж в полку как будто пал, командиры полка полк.Морилов и полк.Гвоздаков относились к нему холодно; чувствуя себя обиженным, он, очень самолюбивый, был удручен и воспользовался удобным случаем покинуть полк. Думал ли он действительно попасть в Сибирь, или только законно покинуть полк, а там будет видно?... Трудно ответить на этот вопрос, но мне кажется, что второе, при его тогдашнем душевном состоянии, более соответствует истине. Никаких особых проводов не было, покинул он полк "без фанфар" - без сожаления. Все записавшиеся, с предписанием Штаба 4-й пех.дивизии, группой были отправлены в распоряжение Штаба Главнокомандующего В.С.Ю.Р. в Таганрог.

Ни писем, ни каких-либо других сведений о судьбе этих офицеров мы не имели, тем более, что полк перешел в наступление и связь с тылом прервалась.

В половине августа, когда полк достиг р.Буга, командир полка отправил меня в командировку в Штаб Главнокомандующего для скорейшего проведения представлений офицеров. Представления были приготовлены во время стоянки в Б.Маячках. Заехавши на несколько дней в Симферополь, так как я не воспользовался отпуском в свое время, я отправился в Таганрог в Штаб Главнокомандующего, предполагая, что там находится Военное Управление, куда я должен был явиться. К сожалению, сейчас не помню всех дат. Утром, прибывши в Таганрог, нашел Штаб, Управление Дежурного Генерала. Здесь от полк. Э.А.Ластовецкого (быв. моего начальника пулеметной команды в 16-м стрелковом Императора Александра 3-го полку) узнал, что я должен ехать в Ростов на Дону, где находится Военное Управление. Ждать нужно было до утра. В комендатуре получил указание, что переночевать могу на полуэтапе. На полуэтапе первым, кого я увидел, был кап.Орлов. Оба мы были рады встрече. Я был поражен, что встретил его здесь.

В помещении полуэтапа жила масса офицеров всевозможных частей. Помещение было казарменного типа, без особых удобств, спали на нарах. Получил место на нарах и я. Естественно, начались расспросы: Орлов спрашивал о полке, об однополчанах; я интересовался им и его сожителями. Его сожители, оказалось, в большинстве были офицеры, предназначенные, как и Орлов, для отправки в Сибирь. Уже около месяца жили они на полуэтапе, службы никакой не несли, слонялись по городу, ничего не делая. Когда будет отправка к месту назначения, да и будет ли вообще, никто не знал. Из разговоров с офицерами, соседями орлова и другими, выяснилось, что большинство, если не все, вызвавшиеся отправиться добровольцами в Сибирь, это обиженные или чем-либо недовольные: порядками ли в своих частях, или тем, что им пришлось увидеть в Добровольческой Армии, начальством и т.п. Настроение у большинства удрученное, они и в начатом наступлении на Москву не видели выхода из казавшегося тупика. Орлов рассказывал о безнадежности положения - тыл, мол, прогнил.

Утром на следующий день, под влиянием всего виденного и слышанного, в удрученном состоянии выехал я в Ростов-на-Дону. Явился в Во-

енное Управление, сдал бумаги. Пробыл там только два дня, почувствовал высокую температуру и начало возвратного тифа. Не желая остаться больным в Ростове, с трудом по железной дороге добрался до Симферополя. В Симферополе, перенеся три тяжелых приступа, в конце сентября начал поправляться. В середине октября предполагал отправиться в полк, который в это время был под Вапняркой, в направлении на Жмеринку. Набираясь сил перед отъездом, каждый день до обеда я проводил в городском саду (на Лазаревской ул.), где встречался с нашими офицерами и знакомыми На фронте в это время, как мы знали из газет, были успехи - в направлении на Москву 1-го октября был занят Орел и казалось, что вот-вот наши войска достигнут Москвы. Настроение у всех было приподнятое, и мало кто в те дни сомневался в успехе.

И вот в один из прекрасных октябрьских дней (в первой половине месяца), гуляя на бульваре, совершенно неожиданно я заметил в боковой аллее, гуляющим, кап.Орлова. Я был поражен, так как никак не мог предполагать, что могу встретить его в это время в Симферополе. Естественно, сразу же направился к нему, поздоровались, начались обоюдные вопросы - почему я здесь, почему он здесь. Сейчас, к сожалению, не помню, как он объяснил свое присутствие в Симферополе - самовольно или в отпуску. Он сказал. что отправка в Сибирь отложена, и неизвестно, будет или нет *). Затем мы перешли к общему положению на фронтах и к тому, что сулило будущее. Взгляды его на будущее, и даже весьма близкое, были более, чем пессимистичны. На мое возражение - как можно так думать об этом сейчас, когда наши войска продвигаются вперед и повсюду, как будто, успехи, когда занят Орел и т.п., - он ответил: "Это все ерунда, увидишь, как за несколько дней все покатится назад". Я пытался спорить, но он меня начал уверять, что то, что он видел в Таганроге и Ростове, т.е. в глубоком тылу, не предвещает ничего хорошего, и достигнутый успех превратится в катастрофу. Поговорили мы так с полчаса, и в конце разговора он, как всегда, заикаясь сказал мне: "Увидишь, будет обер-офицерская революция". Объясняя свои последние слова, он указал на засилье в тылу старых, неспособных к настоящей войне офицеров и на распущенность тыла. С некоторыми его аргументами трудно было спорить, но я обратил внимание на его настроение и последние слова, сказанные им. Распрощавшись, мы разошлись, чтобы больше никогда не увидеться. Я отправился на фронт, куда и прибыл в двадцатых числах октября, когда наш полк успешно продвигался на Жмеринку.

Полк продвигался вперед, была занята Жмеринка, Проскуров, мы были переброшены к Казатину. Казалось, что на фронте более или менее благополучно. Сведений с других фронтов поступало к нам очень мало,

---

*) Здесь уместно привести выдержку из книги: "Марковцы в боях и походах за Россию". т.2-й,стр.229: "Сибирский батальон стал формироваться в апреле 1919 г. из офицеров, служивших в Сибирских частях и желавших ехать в армию адм.Колчака, в которой был большой недостаток в офицерах. Записью и сбором руководил ген.майор Гаттенбергер, уполномоченный на это адм.Колчаком. Записавшиеся стояли в Таганроге. К началу октября 1919 г. был сформирован батальон четырехротного состава с пулем.командой и хоз.частью. Командиром батальона был назначен ген.Гаттенбергер.Предполагалось в октябре б-н отправить пароходом во Владивосток, но ввиду неудач на фронте отправка его затянулась, а затем и отпала. В ноябре б-н был переброшен в Новороссийск.

так что общая картина казалась благоприятной, не предвещавшей катастрофу.

В середине декабря, когда начала отступать Киевская группа войск, и мы почувствовали серьезность положения на фронте. Начали отходить и мы: Казатин, Липовец, Ильинцы, Бирзула, Балта, Голта, Николаевка, Петровка, Тирасполь и, наконец, "Бредовский поход", окончившийся 12 января 1920 г. на границе Польши. Полк со всеми остальными частями армии оказался в польских лагерях. Что происходило на других фронтах, мы не знали, но катастрофа была на лицо.

Что произошло и происходило на фронтах белой борьбы мы знали в лагерях очень и очень мало. Только в июне начали мы получать первые сведения с Юга России (из Крыма) и, между прочим, мы впервые услышали опять об Орлове. Сообщение, однако, не было утешительным. В русской газете "Варшавское слово" была помещена большая статья под заголовком "Обер-офицерская революция". В статье описывалось восстание кап.Орлова в Крыму. Прочтя заглавие и содержание статьи, я невольно вспомнил слова Орлова, сказанные мне при последней встрече с ним на бульваре в Симферополе в октябре 1919 года. Объяснялось в газете это восстание, как борьба рядового фронтового офицерства с высшим командным составом, творившим бесчинства в тылу армии, и сообщалось, между прочим, что Орлов повесил в Бахчисарае нескольких интендантов.

Стоило вспомнить пребывание кап.Орлова в полку, его командировку в Екатеринодар, отъезд в Таганрог для отправки в Сибирь, встречу с ним в Таганроге, встречу и разговор с ним в октябре в Симферополе и сопоставить все это - и содержание газетной статьи становилось яснее; зная же, приблизительно, характер Орлова, не приходилось особенно удивляться написанному.

Восстание Орлова, которое вошло в историю Белой Борьбы в Крыму под названием "обер-офицерская революция", "орловщина", "орловское движение", если судить по первому названию и по словам, сказанным мне в октябре 1919 г., было, очевидно, в мыслях Орлова уже в период его возвращения в Крым из Таганрога. Таганрог, очевидно, был последним поворотным пунктом в настроении и мыслях Орлова. Дон и Кубань не могли быть местом, где мысли Орлова могли быть проведены в действительность. Только Крым, где он легче мог ориентироваться, где его знали и где он был еще популярен, мог быть плацдармом для проведения в жизнь его мыслей. Имея беспокойный характер, он носился со своими мыслями. Не доставало подходящего окружения и подходящей обстановки. И то и другое, однако, вскоре появилось; его мысли претворены были в действительность. Как судьба дала в руки Орлова возможность осуществления своих мыслей, как он их провел и чем это кончилось, будет предметом второй части этого повествования.

В.В.Альмендингер
(Продолжение следует)

О Р Л О В Щ И Н А

(Продолжение, см. № 59/60)

Часть вторая.

В конце октября 1919 года положение на всех фронтах Вооруженных Сил Юга России стало ухудшаться. Красные перешли в наступление, наши армии начали отступать, и к середине декабря образовалось три группы: 1) Добровольческая армия и казаки, отступавшие на Дон и Кубань; 2) группа ген.Слащева, отступавшая на Крым и 3) войска Киевской группы и Новороссийской области, отходившие на Одессу. Положение было очень серьезное, так как потери, как в людях, так и в материале, были огромны. Войска, самоотверженно защищая рубежи и истекая кровью, отходили в тыл, если еще не разложившийся вполне, то во всяком случае в состоянии сильного разброда. Политическое положение в тылу армии было очень неблагоприятное, и положение ген.Деникина становилось необычайно тяжелым. Говорилось даже о переворотах и тому подобном.

В половине декабря группа ген.Слащева (3-й армейский корпус и другие части) отошла на крымские перешейки. На перешейках было мало жилья, зима была жестокая (мороз до 22°Ц), наши и красные части были мало приспособлены к позиционной войне. Ген.Слащев, правильно учитывая обстановку, отвел свои войска за перешейки, занимая их только сторожевым охранением, и, сосредоточив крупные резервы, оборонял Крым, атакуя промерзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебоширующего из перешейков противника. В результате все усилия красных захватить Крым успеха не имели (Деникин).

Войска на фронте истекали кровью, и требовались подкрепления. Между тем, во всех городах Крыма к этому времени скопилось большое количество офицеров и солдат - больных, раненых, выздоравливающих после болезней и ранений. Кроме того, было много лиц, скрывавшихся от фронта. Было необходимо привлечь в строй возможно больше людей. Ген.Слащев, будучи в двадцатых числах 1919 г. в Севастополе, предложил герцогу С.Лейхтенбергскому - князю Романовскому, прикомандированному тогда к штабу Командующего Черноморским флотом, "состоять при нем" для связи с морским командованием. Штаб флота согласился отпустить князя, и позже, после переговоров с князем, ген.Слащев, как "начальник обороны Крыма", назначил его "заведующим корпусным тылом и формированиями". *)

---

*) Интересный момент, характерный для Слащева и тогдашней обстановки, сообщает князь. Перед тем, как случилось его назначение, произошло по сообщению князя следующее. Ген.Слащев, приехавший в Севастополь, остановился в гостинице "Кист". Рано утром князь был разбужен, и явившийся к нему кап.Мизерницкий, начальник конвоя ген.Слащева, передал просьбу генерала прибыть к нему в гостиницу. "Войдя в апартаменты генерала, вижу его быстро идущим ко мне навстречу, и,остановившись в трех шагах от меня, рапортуя по уставу, он представляется мне, - пишет князь. - Признаюсь, я смутился. Но этого, видимо, оказалось генералу мало, и он, все так же официально, стоя на вытяжку,

По уговору с ген.Слащевым князю предстояло:"1) усилить личный состав корпуса путем мобилизации; 2) усилить его артиллерию морскими орудиями;. 3) согласовать работу "разведок" и 4) деятельность Края с насущными потребностями Армии, защищающей подступы к Крыму."

24-го декабря князь отбыл из Севастополя в Симферополь (временно), как пишет князь, "для организации связи с Управлением Края, мобилизации военнообязанных и волонтеров, из состава которых и должен был образоваться "енный" Крымский отряд, который должен был влиться в ту или другую группу наших войск образовывавшегося крымского фронта (на Перекопе и на Чонгаре)".

Между прочим, в своем сообщении князь отмечает интересную подробность: "Еще при наших встречах в Севастополе я просил "моего" генерала точно установить приказом: а)наименование и предел полномочий моей должности, б)прислать в Симферополь хотя два взвода, которые служили бы мне опорой и стержнем мобилизующихся частей, в)связаться с элементами его разведки, дабы и мне быть в курсе дел... Все это было мне обещано, но не выполнено, благодаря чему я оказался в этом городе скорее туристом, чем начальником весьма ответственного военного образования".

Очутившись в незнакомом ему городе, князь отправился на поиски ротм. Муфти-Заде, которого он знал давно по Ливадии, когда эскадроны Крымского Конного полка были там на охране. Вот как описывает князь свои первые шаги в Симферополе:

> "Муфти-Заде принадлежал, как мне говорили, к знатной татарской семье, к тому же состоятельной и в Крыму хорошо "котировавшейся". Он меня сразу же пригласил поселиться у него на дому. Таким образом я вошел в его семью и мог присмотреться к ее быту и уюту.
>
> Доверяя хозяину дома, я сообщил ему о своей миссии в Симферополе и спросил, кто здесь обладает достаточным авторитетом в военной среде, чтобы взять на себя, под моим руководством, дело формирования Крымского отряда, предназначенного для обороны Крыма.
>
> Не колеблясь, Муфти-Заде ответил мне: "Конечно, пригласите Орлова. Он молод и очень популярен, я его знаю и, если вам угод-

---

вдруг говорит: - "Предлагаю Вашему Высочеству взять оборону Крыма в свои руки, мой корпус всемерно вас поддержит, с моряками я сговорюсь. Армия разваливается. Ей нужно новое имя - имя, связанное с Добровольческой Армией и с прошлым нашей Империи". - Я поблагодарил генерала за внимание и категорически заявил ему, что я к такой роли не только не подготовлен, но и не представляю себе, как такая идея могла придти ему в голову. - "Из всех Вы единственный, который остался с нами,все ...ваши за границей, за границей и Вел.Князь Николай Николаевич - Ваш Отчим, которого мы ждали. К кому же нам обращаться? К тому же мы вас знаем по Николаеву, мы вас оценили и полюбили". - Я повторил мой категорический отказ от предложенной мне великой чести и также категорически просил Слащева оставить этот разговор между нами, что генерал мне и обещал."

но, я приглашу его сюда для встречи с Вами". - Я согласился. Встреча состоялась в тот же день, и, выслушав меня, Орлов согласился взяться за формирование этого нового "крымского отряда".

Орлов произвел на меня скорее благоприятное впечатление. Он неглуп, скорее угрюм, а об его характере и военных талантах я решил судить по результатам его работы."

Итак совершилось то, чего Орлов, имея уже некоторое окружение, не мог получить так легко. Он совершенно неожиданно получил в свои руки не только возможность создать для себя силу, с которой он сможет провести в жизнь свои мысли, но, что очень важно, получил авторитет князя и тем самым как бы благословение ген.Слащева и законность его формирования. При наличии в Симферополе в этот момент, в чем нельзя сомневаться, более опытных офицеров с "достаточным авторитетом в военной среде", жребий пал совершенно случайно на кап.Орлова - "он молод и очень популярен". Популярность Орлова сыграла главную роль.

Говоря об "окружении", вспоминаю разговор с пор. Н.Турчаниновым, Симферопольского Офицерского полка, большим другом кап.Орлова по гимназии и по полку. Он рассказывал мне, как ему пришлось присутствовать на тайных собраниях на квартире Орлова (это в период перед назначением Орлова). На этих собраниях присутствовал всегда Марковского пех. полка кап. Ник.Дубинин и еще другие неизвестные ему лица и разрабатывалась схема действий. Между прочим, как он говорил, характер этих собраний, если не был революционный, то во всяком случае был близок к этому: разрабатывались воззвания всякого рода и т.п. Поручик Т. возражал против всего виденного, но Орлов не внимал, будучи уже под влиянием других из его окружения.

Для штаба формирований была предоставлена Европейская гостиница, и Орлов представил князю Романовскому своих сотрудников, среди которых "несомненно выделялся капитан Дубинин", - замечает князь.

"Не теряя времени, - сообщает дальше князь Романовский, - я написал и опубликовал (в газете) воззвание к населению Крыма, призывая его исполнить свой долг перед Россией..... работа медленно налаживалась". На воззвание откликнулись офицеры и добровольцы, и Орлов приступил к формированию отряда из русских. Одновременно на воззвание откликнулись немецкие колонисты, выставив отряд, хорошо организованный под командой бывшего германского лейтенанта Гомейера (Деникин).

Вот как описывает один из бывших чинов отряда Орлова (П.) о своем вступлении в отряд: "В конце 1919 года на окне банка, занимавшего нижний этаж в доме на углу улиц Пушкинской и Дворянской, напротив городского театра, появилось извещение о формировании "Особого Отряда Обороны Крыма" с благословения ген.Слащева. Желающие призывались записываться в формируемый Отряд, причем находящимся в самовольной отлучке (дезертирам) гарантировалось забвение их прошлых грехов при вступлении в Отряд", - и это лицо добавляет: "это последнее обстоятельство и привело меня в орловский отряд". Другой молодой доброволец на вопрос, что его привело к поступлению в Отряд, отвечает: "Для симферопольской молодежи привлекательным было имя Коли Орлова,

как любимого футболиста в прошлом, а для более солидной публики - имя князя Романовского - герцога Лейхтенбергского (офицер-моряк)".

В это же время в Симферополе скопилось много офицеров Симферопольского Офицерского полка, не имевших возможности возвратиться в полк, находившийся на фронте в районе Одессы. Некоторое количество офицеров полка добровольно вступило в отряд, и Орлов сам, повидимому, старался привлечь в свой отряд наших офицеров - об этом можно судить из описания встречи шт.-кап. Х. с Орловым, происшедшей 2-го января 1920 г. в помещении Комендантского Управления. После короткого разговора Орлов сказал шт.кап. Х., чтобы он по выздоровлении пришел к нему в роту (или батальон, он хорошо не помнит), которую он формирует из чинов Симферопольского Офицерского полка, застрявших в Крыму по болезни, после ранений, отпускных и т.п., сказав при этом: "У нас будут восстановлены наши традиции, дисциплина, порядок и проч. нашего полка".

Штаб Орлова и часть отряда помещались в Европейской гостинице, другая часть в здании гимназии Оливер на Почтовой улице. Формирование отряда, по словам одного из бывших чинов отряда (Ил.), "происходило как-то безалаберно, хаотично. Приходили люди, регистрировались в Европейской гостинице, уходили, являлись каждый день, никакой службы не несли (сужу по себе и Ц.)". Очень характерным и странным явлением при формировании было, как пишет Ил., что "симферопольцы (уроженцы Симферополя.ВА) жили и питались дома, пришлые у знакомых и в Европейской гостинице. "Чем объяснить такое, сказал бы, недопустимое при формировании отряда положение: люди не несут службы, приходят и уходят, никаких занятий, ночуют и питаются дома и т.п. И это в отряде, который должен быть готов к выступлению на фронт каждую минуту."

Другой бывший чин отряда (П.) сообщает о еще более интересном явлении:

"То, что чинам отряда разрешалось уходить домой на ночевку, объясняется тем, что дисциплина в отряде была демократической. Скажу больше: уходя из помещения Отряда (я имею в виду здание женской гимназии Оливер - против симферопольской почты) чины отряда могли брать с собой, безо всякой к тому надобности и безо всякого контроля, огнестрельное оружие. И я знаю случаи, когда ушедший в город с оружием возвращался в Отряд вечером или на другой день без оружия: винтовка и аммуниция исчезали. Скажу больше: эта винтовка и эта аммуниция через жившего на Греческой улице портного Абрама Моисеевича Канторовича или через армянина Закиева (мужа учительницы Армянской школы Варвары Семеновны Закиевой), связанных с подпольщиками, попадали к последним. Именно - чинами Отряда Орлова было доставлено подпольному комитету оружие и патроны, использованные комитетчиками для нападения на один из полицейских участков Симферополя, где содержались арестованные, причастные к борьбе с белыми... По этому факту можете судить - каковы были порядки и настроение в орловском отряде."

Действительно, порядки никак не соответствовали формирующейся воинской части; части, которая должна быть подготовлена в кратчайший срок для отправки на фронт.

Каково же было настроение Отряда? Несомненно, что какая-то часть Отряда была настроена патриотически и пришла в Отряд добровольно исполнить свой долг. Другая же часть, как было указано выше, воспользовалась обещанием прощения грехов в прошлом, и о настроении этой части трудно судить положительно, имея в виду выше процитированное сообщение. По городу в связи с формированием отряда ходили разнообразные слухи, чему нельзя удивляться, вспоминая слова, сказанные Орловым автору в октябре 1919 года вполне открыто. Это же он повторял, без сомнения, и при других обстоятельствах и другим лицам. Принимая во внимание серьезное общее военное положение и не менее запутанное политическое положение, нельзя удивляться словам Шафира:

"С самого возникновения отряда в Симферополе стало известно, что в отряд приглашаются якобы исключительно партийные люди, что будто Орлов всем вступающим в отряд говорит о предстоящем восстании и захвате власти. Слухи были самые разнообразные".

Сомнительно, конечно, чтобы Орлов всем вступающим в Отряд говорил о своих намерениях, но "дыма без огня не бывает", и эти слухи дали предлог подпольным большевицким организациям заинтересоваться Орловым ближе и войти с ним в связь. С информационной целью к Орлову со стороны Ревкома был послан тов.Александров. Эту встречу (Орлова с Александровым), состоявшуюся в Европейской гостинице, Шафир описывает так:

"Капитан очень любезно принял представителя подпольных организаций, но по существу затеваемого им дела дал весьма туманные и сбивчивые ответы; вообще Орлов в беседе с тов.Александровым пытался отделаться "дипломатическими" намеками на поставленные ему вопросы, всячески подчеркивая, что, дескать, дальнейшие объяснения будут им даны по мере развертывания событий. Беседу свою капитан закончил приблизительно таким образом: - Я вас понимаю больше, чем вы думаете, но не хочу говорить сейчас подробно обо всем, интересующем подпольные организации. Предлагаю вам посылать своих ко мне в отряд. - На вопрос о партийности Орлов ответил, что он правее левых эсеров и немного левее правых эсеров".

Подпольщиков, однако, поражало обстоятельство, что Орлов, как будто, действовал открыто - записавшиеся в отряд говорили о захвате власти, власть и контр-разведка были об этом информированы. Однако, ничего против отряда не предпринималось. Желая использовать обстановку, подпольщики "сочли себя вынужденными поддерживать сношения с отрядом" (Шафир).

Ближайшим помощником Орлова был Марковского пех.полка капитан Дубинин. О нем мы узнаем из книги "Марковцы в боях и походах за Россию" при описании боя 30 июня 1919 г. под Белгородом. Для его характеристики приводим выдержку из этой книги:

"Сдавшимся батальоном командовал шт.кап.Дубинин. Он произвел на всех впечатление крайне мужественного начальника, владевшего своими подчиненными и собой. Ни тени смущения, растерянности. Он заявил, что сдал батальон с полного согласия всех его чинов. Не

поверить этому было нельзя. В Дубинине всеми чувствовалась огромная моральная сила, и перед ней не устоял командир батальона, кап.Слоновский.

"Вы меня можете расстрелять, но не оскорблять!", - заявил он. И этого было достаточно, чтобы гнев против него исчез. Его и десятка три солдат, по его выбору, тут же назначили в команду разведчиков при батальоне, а спустя некоторое время он уже командовал ею, силой в 100 штыков, выполняя бесстрашно любое задание".

Будучи раненым, Дубинин был эвакуирован в Крым, и в Симферополе он присоединился к Орлову еще до начала формирования, а с началом формирования Отряда он стал помощником Орлова по строевой части.

Князь Романовский, которому кап.Дубинин был подчинен, как помощник Орлова, на вопрос о личности Дубинина сообщает: "Дубинин несомненно очень сильная личность, при чем точно мыслящая и отлично знающая, "чего хочет". Он импонировал всем своим существом, но его... "осторожность" в разговорах со мной навела меня на мысль быть на чеку".

Другими помощниками Орлова, которые играли какую-то роль в Отряде, были: князь Гамулов и подпоручики Гетман и Денисов. Гетман был личным адъютантом Орлова и, между прочим, вел переговоры и поддерживал связь с подпольщиками (Шафир).

Формирование Отряда, вернее, вербовка в отряд шла довольно успешно, и к половине января в нем числилось более 300 человек. Состав его, как было указано выше, был весьма разнообразный не только по своему прошлому, но и по политическим взглядам и взглядам на свое будущее и на будущее, вообще, Белого Дела.

Политическая обстановка в Симферополе и вообще в Крыму в январе была сложная. Тяжелое экономическое положение населения Крыма, отрезанного от Северной Таврии, являлось хорошей почвой для пропаганды и действий левых элементов и, в частности, большевиков. Неустойчивое военное положение усугубляло обстановку.

В Симферополе большевики, видя какие-то перспективы в связи с отрядом Орлова, проявляли большую активность, тем более, что в симферопольской тюрьме в это время было заключено более сотни политических, эвакуированных из Харькова и других мест. В Севастополе большевики проявляли также активность, где Севастопольский Ревком во главе с В.Макаровым подготовлял на 23-е января восстание и захват власти в Севастополе (П.Макаров).

Крым был на вулкане событий. 9 - 11-го января на перешейках красные заняли Перекоп и Армянский Базар, продвинулись к Юшуни, занявши Карт-Казак, но нашей контр-атакой отброшены в исходное положение. 18-го января красные вновь атакуют там же, но неуспешно. В Севастополе морская контр-разведка в ночь с 20-го на 21-е января арестовывает городской комитет большевиков во главе с В.Макаровым, подготовлявшим захват власти.

Контр-разведка в Симферополе не оставляла отряд Орлова без наблюдения, зная настроение многих чинов отряда и его руководства, но, повидимому, никаких мер не принимала.

Для некоторой иллюстрации создавшейся обстановки князь Романовский сообщает несколько интересных "показательных" для того времени моментов и разговоров. В связи с назначением князя всполошились, повидимому, в Ялте монархисты и "из Ялты нагрянул ко мне, - пишет князь, - председатель ялтинской думы граф Апраксин; причем нагрянул ночью и заявил мне, что ни Ялта, ни Крым не потерпят моих "бонапартических" (!) затей, что "они", монархисты, этого не допустят... Весьма удивленный всем этим, я ответил графу, что мы здесь стремимся победить большевиков, что о монархии рано думать и никто о ней не думает и что я очень сожалею, что его прислали сюда с подобной ерундой; после чего я не препятствовал ему стремительно скрыться за дверью, понятно, соблюдая все правила вежливости". Затем князь имел разговор с лейт.Гомейером (?), начальником отряда из немецких колонистов, и при этом Гомейер задал неожиданно вопрос: "доверяет ли князь Орлову?" - На вопрос князя: в чем дело? - Гомейер ответил "полууклончиво: мол, на Орлова влияют, его шантажируют... неясна позиция Дубинина..." И еще об одном моменте говорит князь: "Мой адъютант Де-Конор, друг детства, вдруг стал дружить с Орловым, и отношение ко мне, как будто, изменилось. На мой совет: "будь осторожен с Орловым" - последовал ответ: - "Почему? Он очень симпатичен... я у него бываю"... Я не стал спорить". (Позже, после первого выступления Орлова, Де-Конор скрылся и князь его больше не видел).

Эти разговоры и моменты, действительно, показательны для того времени: "монархисты" беспокоятся о "бонапартизме", когда все горит, а князь, окруженный людьми, на которых не может положиться, повидимому, не в курсе происходящего вокруг него.

В такой атмосфере 20-го января, как пишет ген.Деникин, ген.Слащев потребовал выход отряда Орлова на фронт. Чем руководствовался генерал Слащев, вызывая отряд на фронт? Положение ли на фронте вызвало эту меру? Подозревал ли Слащев о предполагаемом выступлении Орлова? Было ли это в связи с предполагавшимся выступлением в Севастополе и настроением отряда в Симферополе? На эти вопросы сейчас трудно ответить, так как в имеющихся материалах нет точных указаний на это. Однако, после этого требования началось в Симферополе быстрое развитие событий, о которых имеющиеся сведения несколько не совпадают. Ген.Деникин пишет: "Орлов, при поддержке герцога Лейхтенбергского, уклонился от исполнения приказа (ген.Слащева) под предлогом неготовности отряда. Требование было повторено в категорической форме, герцог уехал объясняться в штаб Слащева". С другой же стороны князь С.Романовский (герцог Лейхтенбергский) сообщает, что "о требованиях Слащева - Орлову выступить на фронт - ничего не знал и не знаю. Я напросился на "визит" в Джанкой, а не был вызван Слащевым туда". В ночь на 22-е января князь выехал в Джанкой.

В это время Орлов, имея уже в своих руках силу, со своим окружением, повидимому, учитывая обстановку, пришли к заключению, что настало благоприятное положение для осуществления его мыслей, с которы-

ми он носился в течение нескольких месяцев, и в ночь с 21-го на 22-е января они приступили к проведению их в жизнь. Орловское "действо" - "орловщина" - началось.

В ночь с 21-го на 22-е января (на рассвете) чинами орловского отряда на симферопольском вокзале были арестованы: комендант Севастопольской крепости ген.Субботин, начальник Штаба Новороссийской области ген.Чернавин, возвращавшиеся из Джанкоя в Севастополь после совещания с ген.Слащевым. В городе были произведены аресты многих высших гражданских и военных властей, арестованы многие штаб-офицеры, и все арестованные препровождены в Европейскую гостиницу, где помещался штаб Орлова. Утром 22-го появился приказ № 1 кап.Орлова, который гласил:

"Приказ № 1 по городу Симферополю.

Исполняя долг перед нашей измученной Родиной и приказы Комкора ген.Слащева о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава гарнизона гор.Симферополя, систематически разлагавших тыл. Создавая армию порядка, приглашаю всех к честной объединенной работе на общую пользу. Вступая в исполнение обязанностей начальника гарнизона гор.Симферополя, предупреждаю всех, что всякое насилие над личностью, имуществом граждан, продажа спиртных напитков и факты очевидной спекуляции будут караться мною по законам военного времени.

Начальник гарнизона г.Симферополя, командир 1-го полка Добровольцев, капитан Орлов."

Вот как вспоминает утро 22-го января один из офицеров (кап. И.):

"Идя утром в штаб (7 улан.Ольвиопольского полка), я был удивлен присутствием на улицах довольно многочисленных офицерских пикетов. Дошел благополучно; как позже выяснилось - спасли обер-офицерские погоны. В штабе только адъютант шт.ротмистр Непперт, писаря и никого из штаб-офицеров. Соединились с командиром полка. Под домашним арестом по приказу захватившего город капитана Орлова. Выясняется, что все штаб-офицеры арестованы. Орлов объявил себя комендантом города и захватил Европ.гостиницу. Чтобы выяснить обстановку, мы - я и Непперт - отправились к Орлову. Он принял нас в присутствии какого-то капитана в форме Марковского полка... Орлов, не без театральности, произнес речь о засилье штаб-офицеров, о захвате ими командных постов, о том, что мы, обер-офицеры, остаемся в черном теле на ролях пушечного мяса... Но, конечно, с его способом борьбы мы не могли никак согласиться. И мы мирно разошлись. Прийдя в Штаб, узнали, что нам звонил Крымский конный полк. Соединились. Полк.Бако организовывает сопротивление и сзывает в казармы полка. Мы отдали распоряжение эскадронам пробираться к Крымчакам. В казармах Крым.кон.полка узнали, что из Севастополя идет на фронт тяжелая батарея. Соединились с командиром и поставили его в известность о происходящем. Командир батареи поставил в известность Орлова, что Европ.гостиница находится под его обстрелом."

Находившиеся в Симферополе запасные части и отряд немецких колонистов соблюдали "нейтралитет".

Одновременно с приказом № 1 были выпущены воззвания к "трудящимся" - одни большевистского содержания, другие в эсеровском духе о "земле и воле", заканчивавшиеся призывом к рабочим записываться в отряд.

"Ревкомом в первый же день выступления, - говорит Шафир, - была послана делегация к Орлову с требованием (подчеркнуто мною. ВА) немедленно освободить заключенных политических. Орлову пришлось бросить роль "дипломата" и дать прямой ответ. Ответ получился отрицательный". На заявление Ревкома, что им будут посланы силы к тюрьме для освобождения заключенных, кап.Орлов ответил, что всякие выступления он будет подавлять всеми имеющимися в его распоряжении силами.

Нормальная жизнь в Симферополе была нарушена, и все следили за развитием событий. Приходившим к Орлову "делегациям" он заявлял, что "молодое офицерство решило взять все в свои руки", но разъяснить это неопределенное сообщение он не старался.

От городской думы и земства были посланы к Орлову делегации для "выяснения смысла совершившихся событий". Орлов обещал все "разъяснить" после получения ответа от ген.Слащева. На тайном совещании городской думы было решено послать делегацию к ген.Слащеву и ген.Май-Маевскому (в Севастополе) и была избрана комиссия "для принятия от имени думы необходимого решения в экстренных случаях". Очевидно, дума предполагала развитие событий.

"По улицам Симферополя продефилировал орловский отряд, показав тут же все количество вооружения, которое находилось в его распоряжении", - пишет Шафир.

Утром же Орлов по какой-то причине решил прекратить телеграфное сообщение Симферополя со штабом ген.Слащева. Вот как описывает офицер телеграфист (пор.Д.), дежуривший в это утро на телеграфном узле на почте:

> "Утром около 8 часов в зал с аппаратами быстро и шумно вошли 3 офицера с винтовками, старший был поручик-марковец, хороший мой знакомый. На мой вопрос, что случилось, он ответил, что по приказанию кап.Орлова я арестован, и указал мне на стул, где я должен сидеть, а сам подошел к распределительной доске и вынул все штепселя. Я всполошился и крикнул: - Что ты делаешь, ты порвал связь фронта с тылом! - Не ваше дело, поручик! - был его ответ. В это время пришла смена (пор.Воскресенский) и комендант телеграфного узла. Им были указаны стулья около меня и объявлено об их аресте. Часа через два один из офицеров повел нас в Европ.гостиницу, где в ресторанном зале мы присоединились к другим арестованным. Нам было запрещено разговаривать."

Орлов пытался несколько раз говорить по телеграфу со Слащевым, но тот отказывался с ним говорить до тех пор, пока у аппарата не будет дежурный офицер, известный штабу. Около 15 часов офицеры-телегра-

фисты были освобождены и им было указано возвратиться на телеграф. По приходе на телеграф тот же поручик-марковец предложил им принять аппараты, а сам ушел.

Что происходило в штабе Орлова в этот день, мы, к сожалению, сведений не имеем, но один офицер пишет: "В городе было совершенно тихо, но довольно нервно. Я заходил в Европейскую гостиницу повидаться с друзьями. Они были очень возбуждены и не знали, что преполагают делать с ними".

Так проходил день выступления кап.Орлова. Кроме арестов, никаких эксцессов или кровопролития не было.

Что же происходило в это время в Джанкое в штабе ген.Слащева, куда незадолго перед выступлением Орлова выехал из Симферополя князь Романовский, прибывший туда утром 22-го? Князь о своей встрече с генералом Слащевым сообщает следующее:

> "Общий дружественный обмен мнениями по существу создавшейся на фронте обстановки... Слащев показался мне более или менее "здоровым". Поболтав с полчаса, я ушел в свою каюту отдохнуть после ночи, проведенной в.... "трясучке" 3-го класса, к тому же нетопленой, но отдыхать мне долго не пришлось: - "Генерал требует вас немедленно", - сообщил мне юный ординарец....
>
> Вхожу к Слащеву... Он, разъяренный, кричит мне: - "Мерзавец твой Орлов, мерзавец..." - Я: - В чем дело? - Слащев: - "Как в чем дело? Он этой ночью арестовал генералов Субботина и Чернавина... и начал восстание"... Я ошалел: - "Откуда у тебя эти новости?" Слащев: - "Все это знают, кроме тебя"... Тут уж я взбесился и сразу перешел в атаку и довольно резко...
>
> Я напомнил Слащеву о моих просьбах,оставшихся без ответа (особенно о... полномочиях и временном "стержне")... и важных связях... На все это - ни привета, ни ответа... - "Ты должен же понять, что в этих условиях в Симферополе я, в создавшейся обстановке - что-то вроде туриста"... Слащев: "Но я тебя назначил"... Я: - "Этого не достаточно, подумаешь... назначил." Здесь мы очень крупно поговорили... чему удивился присутствовавший при нашей стычке ген.Васильченко... Я: "Хочу знать: это сплетни или сообщение, достойное доверия?! Если Орлов все это проделал, он, несомненно, изменник и негодяй... прикажи, и я немедленно возвращусь в Симферополь, а в придачу дай мне твой конвой и роту юнкеров... плюс письменно полномочия действовать по моему усмотрению". Слащев: - "Ничего я тебе не дам! Отправляйся, сейчас закажу паровоз и вагон - отправляйся!" - Я: "Конечно, отправляюсь, но на этом это дело не кончится".
>
> Вечером где-то отыскался паровоз и товарный вагон... и я выехал на этом экстренном поезде в Симферополь, куда я прибыл, насколько мне помнится, около полуночи... Все было покрыто снегом...Морозило."

Ген.Слащев решил ликвидировать выступление Орлова и послал отряд из Джанкоя, одновременно приказав ген.Май-Маевскому выехать с отрядом из Севастополя на ст.Альма.

Офицер-телеграфист, освобожденный и принявший опять аппараты, сообщает дальше:

"Мы соединили все провода и доложили ген.Слащеву о нашем прибытии. Вечером около 5 часов вошел Орлов в сопровождении другого капитана-марковца, мне незнакомого, и просит вызвать ген.Слащева. Очень быстро у аппарата был Слащев и передал следующее: - - Кап.Орлову. Освободить всех арестованных, о чем мне доложить, а самому немедленно прибыть ко мне в Джанкой. Точка. Слащев. - Может быть, мне это показалось, но лицо у Орлова изменилось. Они быстро ушли. Около 8-9 часов вечера ген.Слащев вызвал Орлова к аппарату. Было передано: - Донесения об освобождении не имею. Если до 10 часов его не получу - я с конвоем выезжаю из Джанкоя и ген.Май-Маевский из Севастополя с отрядом в Симферополь. Точка. Слащев. - Орлов молча принял сообщение и ушел из телеграфа."

Орлов освободил всех арестованных, но, не исполняя приказания ген.Слащева явиться в Джанкой, решил с отрядом покинуть Симферополь. "Было темно, - рассказывает кап.И., - когда приехал губернатор и сообщил, что Орлов уходит из Симферополя и просит ему не мешать. Вскоре прибежал мой младший брат (ему было лет 16), который был у Орлова, и сказал, что Орлов с батальоном уходит по направлению на Алушту и что люди постепенно уходят из строя."

Офицер-телеграфист продолжает свое сообщение:

"Около 10 часов я пошел посмотреть, что делается в Европейской гостинице. Подъезд был освещен, а кругом темнота. Подходя к зданию, я видел нескольких человек выходящих из дверей и быстро скрывшихся в темноте. Один из них, мой знакомый, на мой вопрос: что нового? - ответил, что они сами ничего не знают, командный состав растерянно ходит из комнаты в комнату, на наши вопросы не отвечают; единственно - некоторые сказали, что скоро мы выступим, куда - неизвестно. Начали мы колебаться, когда увидели,что караула у входа больше нет - видите, что происходит. В городе было совершенно тихо, ни одного выстрела".

Молодой доброволец, бывший в отряде, ночевал в эту ночь дома, и когда на другой день утром явился со своим приятелем в Европейскую гостиницу, все там было пусто, внутри никого, разбросаны вещи, бутылки и прочее.

Ночью, как говорилось раньше, князь Романовский возвратился в Симферополь из Джанкоя, и князь так сообщает о своем приезде и дальнейших шагах:

"На вокзале встречает меня Дубинин... Он старается "любезничать". Его присутствие, конечно, показалось мне подозрительным. Никаких

приветствий; выйдя на площадку, устроенную перед вокзалом, - никого, ни извозчика, ни автомашины... Дубинин: "Разрешите доложить"... Я: "Ступайте впереди меня". Для большего "удобства" я поудобнее сжал в правой руке мой верный Кольт, не вынимая его из кармана...

Кругом - холодно и много снега, и никого, ни одной живой души!.. Думаю: "не зевай - все может случиться... справа и слева деревья и кусты... не зевай".

Протопав довольно долго, мы, наконец, все в том же "строю" подошли к Европейской гостинице... Вошел... Страшная винная (и иная) вонь. Дежурный офицер, шатаясь, протягивает мне руку, не рапортует... "Орлов, - говорит он, - в своем кабинете". Я: "Немедленно приведите помещение в порядок... и подтянитесь"... Иду наверх, в первый этаж, к Орлову...

Вхожу... У письменного стола сидит Коля Орлов. Сидит с опущенной головой и, увидев меня, вскакивает... Я: "Что вы наделали?" Орлов: "Да, я только теперь понял"... Я: "Нечего понимать. Вы хотите погубить наше дело. Не удастся!.. Сидите здесь и ждите моих приказаний - не смейте уходить". Выхожу... Внизу и подъезда шум и гам... На дворе - вижу собраны роты... Увидев меня, командуют "смирно"... Я: "Господа офицеры ко мне"... Меня окружают... И вот что я им говорю (помню почти дословно): "Г.г.офицеры! Вы знаете, что произошло и что происходит... Наша армия отступает... Единственное убежище ее - Крым. Происшедшее же здесь разрушает наше дело; Армия и Россия в опасности. Держитесь крепко на своем посту, соблюдая дисциплину и порядок, в каждом вашем деле... Установите непосредственную связь со мной... Старшему из вас вступить в командование!"...

В этот момент подбегает "некто в сером" и сообщает, что у прямого провода из Бахчисарая ген.Май-Маевский просит к аппарату. Я отправился на телеграф. "У аппарата ген.Май-Маевский"... Я назвал себя и добавил: "В городе все спокойно, жду распоряжений из Джанкоя"... Ген.Май-Маевский: "Рассчитывайте на меня, я в двухчасовой дальности от вас". Распрощались. - Почти бегом возвращаюсь к группе офицеров, с которыми прервал разговор... Кто-то из них бежит мне навстречу и сообщает, что Орлов, Дубинин и несколько других его друзей... удрали, вероятно, на Алушту... Картина менялась...

Утром ко мне приехал полк.Городыский, судебного ведомства. На мой вопрос: "Дознание?" - он поспешил ответить, что ему необходимо знать, как и в какой последовательности прошли события этой ночью. Я рассказал все подробно, полковник поздравил меня, сказав, что все могло бы кончиться много хуже - и для меня лично, и для всего гарнизона Симферополя. Конечно, мне не трудно было согласиться..."

На вопрос князя: "Что вы наделали?" - Орлов ответил: "Да, я только теперь понял". Дальнейших объяснений не последовало - что он

понял. Понял ли он безрассудность его выступления в тот момент или, вообще, безрассудность всего затеянного им бунта? Однако, ему грозило неминуемое столкновение с войсками ген.Слащева, и Орлов отступил. Он понял, очевидно, что вооруженное столкновение в этот момент спасти его не сможет. Орлов с незначительной частью отряда покинул Симферополь и по Алуштинскому шоссе ушел в направлении на Алушту, захвативши с собой 10 миллионов рублей, предварительно изъятых из Симферопольского казначейства. Из отряда в несколько сот человек ушло с ним, как передают, около 80-90 человек. Часть отряда, повидимому, осталась, не желая следовать за Орловым, и осталась верной командованию; некоторая часть распылилась заблаговременно, как было указано раньше, видя неопределенность всего происходившего; наконец, часть, как говорят они сами, просто проспали - спали дома в эту ночь. Обстоятельство, что Орлов ушел только с сравнительно небольшой группой, еще раз показывает разношерстность отряда в смысле верности Орлову и его мыслям; показывает отсутствие дисциплины в отряде и растерянность, овладевшую командным составом, не смогшим удержать людей в своих руках *).

Орлов с остатками своего Отряда ушел в дер.Мамут-Султан, а оттуда в дер.Саблы, славившуюся уже и до революции неблагонадежностью населения.

24-го января утром в Симферополь прибыл ген.Слащев со своим конвоем и произвел смотр войскам гарнизона. Чины отряда кап.Орлова, оставшиеся в Симферополе, в этом параде не участвовали, как сообщает П. Многие из оставшихся рядовых членов Отряда были, однако, арестованы, но были быстро отпущены и направлены в другие части.

Генерал Слащев в тот же день издал приказ о поимке Орлова и приказ-обращение. Приказы эти, написанные в духе, характерном для ген. Слащева, приводим ниже:

1) "Приказываю всем должностным лицам и прочим гражданам России, в случае обнаружения в их районе предателя Орлова или его присных, доставить их ко мне живыми или мертвыми. Заранее объявляю, что расстреляю всех действующих с Орловым. 24 января, №144".

2) "Отряду, забывшему совесть и долг службы, - людям, ушедшим под командой Орлова, на все предложения могу ответить только: 1)Орлов изменник долга. 2) по телеграфу Орлов меня нагло обманывал, 3) Орлову я предложил приехать ко мне, тогда гарантировал ему жизнь, 4) это не было исполнено, 5) обманутые ко мне, 6) Орлову не верю и повешу."

---

*) Закончивши описание первого выступления кап.Орлова в январе 1920 года, считаю необходимым обратить внимание на отсутствие точных данных о продолжительности этого выступления. Шафир говорит, что выступление произошло в ночь на 22 января (ст.ст.) и окончилось в ночь на 24-е января, то есть продолжалось целых два дня. Ген.Деникин пишет, что "Орлов на третий день... бежал в горы". По воспоминаниям же участников, слова которых были цитированы, нужно полагать, что выступление произошло в ночь с 21-го на 22-е января и окончилось в ночь с 22-го на 23-е января, т.е. продолжалось только один целый день.

В догонку за Орловым были посланы карательные отряды Шнейдера, Табенского и полк.Кугельгейма. Серьезных столкновений, однако, не было; повидимому, обе стороны воздерживались от этого. Вскоре Орлов оставил д.Саблы и отправился на Алушту. Гарнизон Алушты не оказал сопротивления, и Орлов, захвативши в банке небольшую сумму денег и оставивши там небольшую часть своего отряда, отправился на Ялту. Это происходило уже в начале февраля.

Орловское выступление взбудоражило Крым. Газеты, где происходила оживленная полемика между ген.Слащевым и Орловым, читались на расхват. Это выступление, как передают, было встречено общественными и политическими кругами Крыма с большим сочувствием, и они возлагали большие надежды на Орлова. Молодое офицерство во многих случаях сочувствовало. В Севастополе, как пишет ген.Деникин (на основании донесения ген.Лукомского от 4 февраля 1920 г.) "назревал арест морскими офицерами Ненюкова и Бубнова, против которых создалось большое возбуждение на почве безвластия и отсутствия должного управления".

Выступление Орлова, совпавшее случайно или специально приуроченное к событиям на фронтах и в тылу (падение Одессы, события на Кубани и т.п.) вызвало ряд осложнений и инцидентов, которые могли неблагоприятно отозваться на общем положении.

25-го января 1920 г. гор.Одесса была занята красными войсками, и ген.Шиллинг, главноначальствующий Новороссийской области, прибыл в Севастополь 31-го января на пароходе "Анатолий Молчанов". На другой день, 1-го февраля, из Новороссийска на пароходе "Александр Михайлович" прибыл в Севастополь ген.Врангель, подавший в отставку и выехавший в Крым "на покой" (Врангель). С этого момента, как пишет ген.Деникин, "начинается борьба за возглавление военной и гражданской власти в Крыму". Возможно, что эта "борьба" (если таковая была) проходила бы нормально без особых осложнений, если бы незадолго перед тем не произошло выступление Орлова. Последнее обстоятельство изменило весь ход событий. Поэтому считаем необходимым несколько подробнее остановиться на этой "борьбе".

Ген.Шиллинг появился в Крыму после сдачи Одессы, которая была отдана красным при ужасных условиях. Адмиралы Ненюков и Бубнов сразу же по приезде его в Севастополь заявили ему, что он "дискредитирован одесской эвакуацией, что в тылу развал и единственное спасение Крыма в немедленной передаче Шиллингом всей власти барону Врангелю" (Деникин). На другой день явилась к ген.Шиллингу группа из 6 офицеров,сделавших ему то же предложение. Ген.Шиллинг, подавленный после оставления Одессы в тяжелых условиях, заявил, что за власть не держится, охотно ее передаст и предоставляет этот вопрос на усмотрение главнокомандующего, которому обо всем донес.

Между 1-м и 5-м февраля происходит новая беседа ген.Шиллинга с адмиралами, встреча с ген.Лукомским и двукратное свидание с ген.Врангелем. Ген.Врангель соглашался принять от ген.Шиллинга должность, но по приказу Главнокомандующего. Ген.Слащев заявил ген.Шиллингу, что будет выполнять приказания только Главнокомандующего и Шиллинга. Ген.

Лукомский настоятельно советовал Шиллингу передать власть ген.Врангелю, но с согласия Главнокомандующего. Генерал Деникин категорически отказывается заменить Шиллинга ген.Врангелем.

При таком положении ген.Шиллинг 6-го февраля выехал в Джанкой.

В указанный выше период Орлов с отрядом, спустившись с гор и пользуясь отсутствием в этом районе войск, занял Алушту (как было сказано выше) и приближался к Ялте. По мере приближения Орлова к Ялте тревога и растерянность в городе росла. Начальник гарнизона гор. Ялты ген.Зыков и уездный начальник граф Голенищев-Кутузов посылали одну за другой телеграммы, взывая о помощи. Ряд общественных деятелей (Совещание Общественных деятелей Ялты), находившихся в Ялте, обратилось к ген.Деникину с просьбой назначить "во главе власти в Крыму... лицо, заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами доверие как армии, так и населения... Таковым лицом по единодушному убеждению крымских гражданских и военных кругов является генерал Врангель..." Под телеграммой 14 подписей.

"Оказавшийся в Ялте ген.Покровский, - пишет ген.Деникин, - мобилизовав и вооружив жителей Ялты, пытался защищать город..." Почему ген.Покровский в этот момент и по чьему распоряжению "оказался" в Ялте - не совсем ясно. Ген.Деникин пишет только "оказавшийся в Ялте". Генерал Врангель же в своих мемуарах пишет: "накануне подхода Орлова к Ялте туда прибыл ген.Покровский. Последний... остался не у дел. Не чувствуя над собой сдерживающего начала, в сознании полной безнаказанности, генерал Покровский, находивший в себе достаточную силу воли сдерживаться, когда это было необходимо, ныне, как говорится, "соскочил с нареза", пил и самодурствовал". Ген.Деникин коротко описывает эту операцию, более подробно сообщает об этом один из участников, сотник Мяч В.П.

Воспоминание сотн.Мяча очень интересно и, в известном смысле, характерно для того времени и как бы подтверждает слова ген.Врангеля, поэтому приводим его полностью.

"Для переезда из Новороссийска в Ялту в рапоряжении ген.Покровского был английский миноносец, на борту которого находился английский майор, офицер для связи, фамилию за давностью лет не помню. Этот майор владел немного русским языком и в бытность генерала Покровского Командующим Кавказской Армией находился при штабе.

С ген.Покровским выехали ген.Боровский, ген.шт.ген.Ребдьев, ген.шт.полк. Ю.В.Сербин, есаул И.Раздеришин, подъесаул Чепелев, я, два юнкера - В.Ф. и М.В. и два казака вестовых.

Ранним морозным утром миноносец пришвартовался к пристани в Ялте. Полк.Сербин был послан ген.Покровским к начальнику гарнизона г.Ялты ген.Зыкову с объяснением цели приезда ген.Покровского и с просьбой о предоставлении квартиры ему и его свите.

В распоряжение ген.Покровского была предоставлена дача Эмира Бухарского, и в присланных экипажах все отправились к месту расквартирования.

В тот же день вечером на квартире ген.Зыкова состоялось совещание, на котором, кроме ген.Покровского, присутствовали: ген.Боровский, ген.Ребдьев и полк.Сербин. На этом собрании был выработан план действий по ликвидации отряда кап.Орлова. Все было в строжайшем секрете.

В самой Ялте все было спокойно и мирно. Ген.Покровский с присущей ему энергией начал действовать.

Вечером, приблизительно около 10 часов, когда движения на улицах почти не было, ген.Покровский с чинами свиты и несколькими чинами гарнизона произвели "мобилизацию" обитателей гостиницы "Россия" и нескольких других гостиниц. Годные к военной службе были переписаны и под конвоем отправлены в Ореанду, где были размещены в заранее приготовленных квартирах. Под страхом наказания всем было приказано никуда не отлучаться. Дома были заперты и к каждому дому приставлены часовые.

На следующий день утром, после чая из полевой кухни, всем были розданы берданки с патронами, и "мобилизованные", которых было около 150 человек, были разбиты на две роты. Все это были люди зажиточные и сугубо штатские.

Командирами рот были назначены есаул Раздеришин и я, а командиром всего отряда полк.Сербин. При ген.Зыкове находился ген.Ребдьев с подъесаулом Чепелевым. Юнкера остались в распоряжении ген.Покровского, как ординарцы.

Каждой роте полк.Сербин указал участки, и "стрелки" рассыпались в цепь. Перед наступлением на деревню, занятую орловцами, ген. Покровский и ген.Боровский, в сопровождении юнкеров, решили проехать в стан кап.Орлова с целью воздействовать на кап.Орлова и убедить его сдаться на милость Главнокомандующего. Ротам было приказано оставаться на местах и огня не открывать.

Прошло около трех часов, и генералы не возвращались. Полк.Сербин начал беспокоиться о их судьбе и решил это выяснить, приказав мне и Раздеришину отправиться на разведку в стан кап.Орлова.

Пройдя, приблизительно, две версты, мы наткнулись на сторожевые посты орловцев, были ими задержаны и обезоружены (впоследствии оружие было возвращено).

В штабе Орлова, куда нас препроводили, мы увидели ген.Покровского и Боровского сидящими в большой комнате вокруг стола с кап. Орловым и Дубининым. О чем велась беседа, нам неизвестно, но, судя по разгоряченным лицам, в особенности ген.Покровского, можно было думать, что беседа была шумной, так как входя в комнату мы слышали громкий голос ген.Покровского.

Ген.Покровский, подойдя к нам, приказал отправиться к ген.Зыкову и доложить, что все обстоит благополучно, мобилизованных обитателей гостиниц распустить по домам.

К вечеру генералы возвратились, а через 2-3 часа отряд кап.Орлова занял Ялту.

В спешном порядке около 12 час.ночи ген.Покровский приказал нам всем отправиться на миноносец, а сам с ген.Боровским и Ребдьевым отправился к ген.Зыкову с прощальным визитом.

Как мы узнали позже, кап.Орлов не согласился распустить отряд и рекомендовал ген.Покровскому, во избежание неприятностей, покинуть Ялту."

Так бесславно закончилась фантастически организованная "операция" ген.Покровского. Имея связи с англичанами и учитывая его характер (ген.Врангель - "соскочил с нареза"), нужно предполагать, что ген.Покровский предпринял эту "операцию" совершенно самостоятельно, по собственной инициативе. Это тем более справедливо, что, по словам ген.Врангеля, Покровский метил себя в заместители ген.Шиллинга. Все это происходило в момент "борьбы за власть" в Крыму.

Итак, Ялта была занята отрядом кап.Орлова без единого выстрела, и комендантом города был назначен кап.Дубинин. Орлов выпустил воззвание следующего содержания:

"Г.г. офицеры, казаки, солдаты и матросы.

Весь многочисленный гарнизон гор.Ялты и ее окрестностей и подошедший десант из Севастополя с русскими судами, вместе с артиллерией и пулеметами, сознавая правоту нашего общего Святого Дела, перешли к нам по первому нашему зову со своими офицерами. Генерал Шиллинг просит меня к прямому проводу, но я с ним буду говорить только тогда, когда он возвратит нам тысячи жизней, безвозвратно погибших в Одессе. По дошедшим до меня сведениям, наш молодой вождь генерал Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы верны все, все, это тот, кто все отдаст на борьбу с большевиками и преступным тылом.

Да здравствует генерал Врангель, наш могучий и сильный духом молодой офицер.

Капитан Орлов.

В.В.Альмендингер
(Продолжение следует)

- - oOo - -

В.Альмендингер.

О Р Л О В Щ И Н А

(Окончание, см. №№ 59/60 и 61/62)

Ген. Шиллинг, встревоженный занятием Ялты Орловым, посылает против него войсковые части и из Севастополя военное судно "Колхида" с десантом. 7-го февраля ген.Шиллинг посылает телеграмму ген.Врангелю: "Севастополь и его район в осадном положении. Нр.2950 7/2 20 года. Джанкой. Генлейт. Шиллинг".

"Колхида" прибыла в Ялту. "Принимавшие участие в десанте, - пишет Г.Раковский, - переговорили с "орловцами" и, не выполнив приказа, возвратились в Севастополь, о чем Шиллинг узнал случайно". Генерал Деникин говорит: "Морское начальство не приняло никаких мер против мятежников и не сочло нужным уведомить об этом факте ген.Шиллинга".

Вслед за телеграммой № 2950 (см.выше) ген.Шиллинг посылает генералу Врангелю другую телеграмму следующего содержания:

"Севатополь ген.Врангелю, копия ген.Лукомскому, Тихорецкая Наштаглав.

"Большевики готовят новую атаку на Крым. Между тем в тылу происходит брожение среди офицерства и других групп, а также продолжается движение группы кап.Орлова, и все это может окончательно разрушить тыл и отдать большевикам Крым. Прошу Ваше Превосходительство принять на себя начальствование над всеми сухопутными и морскими силами, находящимися в районе Алушта, Бахчисарай, устье Альмы, все пункты включительно, с подчинением вам комкрепа Севастополь, флота, отряда полк.Ильина, находящегося в Алуште, и отряда полк.Головченко, находящегося в Бахчисарае. Ваша задача мерами, какие вы признаете целесообразными, успокоить офицерство, солдат и население и прекратить бунтарство кап.Орлова, направив его на фронт для пополнения редеющих частей ген.Слащева. Джанкой. 7.2.1920 года 11 часов. Нр.0231483. Шиллинг."

На эту телеграмму ген.Врангель в тот же день (7-го февраля, 21 час, за № 625) ответил ген.Шиллингу, что всякое разделение власти в Крыму при существующем уже многовластии лишь усложнит положение и увеличит развал тыла, а потому от сделанного предложения он отказывается, о чем и просит сообщить всем тем, кому была послана телеграмма Шиллинга.

Между тем телеграмма ген.Шиллинга была принята некоторыми из адресатов, как уже совершившийся факт назначения ген.Врангеля, и к нему посыпался ряд сообщений от губернатора, начальника гарнизона Ялты, полк.Ильина и др. Одни приветствовали его по случаю назначения и выражали уверенность, что наконец тыл будет приведен в порядок, другие обращались с просьбой скорее приехать в Ялту, так как Орлов, мол, согласен подчиниться только ему, ген.Врангелю, и только по его приказанию он выступит со своим отрядом на фронт.

В это самое время ген.Врангель от одного из офицеров направленного в Ялту на "Колхиде" отряда получил воззвание кап.Орлова (см. выше). Немедленно, 8-го февраля, ген.Врангель телеграфировал кап. Орлову:

"Ялта капитану Орлову. Копии: ген.Зыкову, Джанкой ген.Шиллингу, Севастополь ген.Лукомскому, Симферополь губернатору Татищеву, Алушта полк.Ильину и Бахчисарай Начгарнизона.

Мне доставлено воззвание за вашей подписью, в коем вы заявляете о желании, минуя всех ваших начальников, подчиниться мне, хотя я ныне не у дел. Еще недавно присяга, обязывая воина подчинению старшим начальникам, делала русскую армию непобедимой. Клятвопреступление привело Россию к братоубийственной войне. В настоящей борьбе мы связали себя вместо присяги добровольным подчинением, изменить которому без гибели нашего общего дела не можете ни вы, ни я. Как старый офицер, отдавший Родине двадцать лет жизни, я горячо призываю вас, во имя блага ее, подчиниться требованиям ваших начальников. 8 февраля 1920 года. Нр. 627. Врангель".

Ген.Лукомский, встревоженный создавшимся положением, учитывая, повидимому, растущее неудовольствие против ген.Шиллинга, посылает ген.Деникину шифрованную телеграмму, описывающую положение в Крыму:

"В дополнение к предыдущей телеграмме сообщаю, что положение осложняется тем, что все, что будет формироваться в тылу и направляться против Орлова, будет переходить на его сторону. Распоряжение Шиллинга о направлении отрядов против Орлова, особенно если произойдет столкновение между офицерскими отрядами, поведет к полному развалу и тыла, и фронта. Против Шиллинга большое возбуждение. Выход один - это немедленное назначение Врангеля на место Шиллинга. На себя это взять не считаю возможным, но повторяю, это единственное решение для ликвидации дела без кровопролития и для сохранения фронта. Медлить невозможно. Прошу дать срочное указание. 7 февраля 1920 года. Генерал Лукомский".

Генерал Деникин не согласился с назначением ген.Врангеля в Крым, и 8-го февраля последовали два его приказа: первый об увольнении от службы генералов Лукомского, Врангеля и Шатилова и адмиралов Ненюкова и Бубнова; второй - о ликвидации крымской смуты. Второй приказ гласил:

"Приказываю:

1. Всем принявшим участие в выступлении Орлова освободить ими арестованных и немедленно явиться в Штаб 3 корпуса для направления на фронт, где они в бою с врагами докажут свое желание помочь армии и загладить свою вину.

2. Назначить сенаторскую ревизию для всестороннего исследования управления, командования, быта и причин, вызвавших в

Крыму смуту, и установления виновников ее.

3. Предать всех, вызвавших своими действиями смуту и руководивших ею, военно-окружному суду, невзирая на чин и положение".

В приказе, часть которого приведена выше, было упоминание, что "выступление капитана Орлова руководится лицами, затеявшими подлую политическую игру", - замечает ген.Врангель в своих мемуарах. В связи с этим упоминанием ген.Врангель отнес к себе пункт 3-й приказа и написал генералу Деникину, как говорит ген.Врангель, "под влиянием гнева письмо, которое, точно излагая историю создавшихся взаимоотношений, грешило резкостью, содержало местами личные выпады". Генерал Врангель и остальные уволенные в отставку лица покинули Крым, и на этом, как будто, закончилась "борьба" за власть наверху.

Между тем, как пишет ген.Деникин, "Орлов, запутавшийся окончательно, предпринимал уже в Ставке при посредничестве известного соц.рев. Баткина некоторые шаги, с целью подготовить себе путь отступления"... Подробностей об этом не имеется.

В это же самое время сильный и хорошо вооруженный отряд полк. Ильина, посланный ген.Шиллингом против Орлова, приближался к Ялте. Орлов, повидимому, желая избежать вооруженного столкновения, пробывши несколько дней в Ялте и сделавши выемку денег из казначейства, 10-го февраля покинул город и ушел с отрядом в горы.

11-го февраля, однако, совершенно неожиданно кап.Орлов подчинился приказу, то есть командованию, и отправился в Симферополь. Данная ли амнистия, или страх перед уничтожением отряда, или какая-то другая причина побудили Орлова подчиниться, то есть отдать себя и своих сподвижников в руки ген.Слащева, который только недавно называл Орлова "предателем" и писал: "Орлову не верю и повешу"? Чем объяснить этот крутой поворот? Не было ли причиной, что наверху была "борьба, которая только как будто закончилась, и Орлов надеялся на какие-то перемены?

Прежде, чем отправиться на фронт, или ближе к фронту, отряд прибыл в Симферополь, где и разместился в прежних своих помещениях. Многие, бывшие в Отряде перед выступлением в январе и покинувшие его заблаговременно, вступили в отряд снова. Вскоре приехавший в Симферополь ген.Слащев произвел отряду смотр, и отряд выступил на фронт. Ген.Слащев, вопреки приказанию ген.Шиллинга - расформировать отряд, распределив его по частям корпуса - решил сохранить его в виде отдельной части и, как пишет ген.Деникин, "проявлял к ней и к Орлову исключительное внимание".

Смотр отряду ген.Слащевым был произведен на Салгирной улице против здания Европейской гостиницы. Возвращение Орлова в Симферополь, естественно, возбудило большой интерес всех в Симферополе, особенно же чинов Симферопольского Офицерского полка. И вот как два из них вспоминают этот смотр. Шт.кап.Х. пишет: "Отряд численностью около 200 человек был построен развернутым фронтом. После команды

"смирно" - Орлов подошел с рапортом к ген.Слащеву. Выслушав рапорт, Слащев поздоровался с Орловым, подошел к отряду (не помню, здоровался он или нет) и обратился к отряду со словами: "Вам сказать ничего не могу, вы покажете себя на фронте" - и это все. После этого Орлов скомандовал - "направо" - и повел свой отряд". Шт.кап. М. сообщает: "Смотр этот происходил перед зданием Европейской гостиницы на Салгирной улице. На кокардах головных уборов у "орловцев" были прикреплены зеленые веточки. Орлов был в одной гимнастерке и, как всегда, - фуражка на затылке. После слов ген.Слащева, обращенных к отряду (200-250 бойцов), генерал и Орлов сели в экипаж, и отряд, в строю по-ротно, тронулся за ними с песней:

"Марш вперед, Россия ждет
Вас, орлы Орлова,
Тыл очистили, вперед
На коммуну снова"... и т.д.

Как долго отряд пробыл в Симферополе, нам неизвестно, но за время время пребывания его в Симферополе, кроме смотра - представления, состоялся большой завтрак - "примирения". Об этом сообщает князь Романовский так: "Состоялся парад и большой завтрак - "примирения". Я ни на параде, ни на обеде не присутствовал, заявив Яше, (ген.Слащеву), что я с изменниками не здороваюсь, не чокаюсь рюмками и за одним столом не сижу!.. Яша возмутился: "Все кончено, Орлов покаялся". Кто еще присутствовал на завтраке, кроме Орлова, нам неизвестно.

Отряд по железной дороге выехал из Симферополя в Джанкой (дата неизвестна), а оттуда перешел в дер.Татарская Барынь и другие деревни недалеко от Джанкоя. Здесь отряд получил новое обмундирование и вооружение. О состоянии отряда в это время сообщает П.: "Политически отряд был неустойчив, драться не желал... И вот в ротной канцелярии открыто обсуждается заходящими туда чинами Отряда вопрос - будет ли Отряд драться с красными или, возможно, откроет фронт".

Примирение ген.Слащева с Орловым было, однако, повидимому,полное: факты, что Орлов часто посещал Слащева в Штабе, и заботы об обмундировании и вооружении отряда говорят за это. Вскоре отряд был отправлен на Перекопский фронт, наиболее угрожаемый. Отряд, пройдя Воинку, не задерживаясь в ней, остановился и расположился в лежащем между Воинкой и Юшунью большом имении "Чирик". "Любопытно, - пишет один из бывших чинов Отряда, - что от Джанкоя до Чирика Отряд сопровождал один танк. Как помощь Отряду или вследствие его неблагонадежности? (??)".

23-го февраля красные, открыв по Перекопскому участку сильный артиллерийский огонь, перешли в наступление, которое развивалось для красных весьма успешно. Части 8-й кавалерийской, 46-й и Эстонской стрелковых дивизий к восьми часам 24-го овладели дер.Юшунь и продвинулись южнее ее. Однако, в 10 часов 26-го февраля наши части, перейдя в контр-атаку, после упорного боя, нанеся большие потери красным, вновь заняли Юшунь, отбросив противника в исходное положение.

Где же во время этого наступления находился отряд Орлова? - Он находился там же в имении "Чирик" и в контр-атаке не принимал участия. Отряд бездействовал, когда на фронте было очень критическое положение.

Спустя несколько дней, 3-го марта, Орлов с отрядом снялся с места своего расположения в имении "Чирик" и... пошел на Симферополь. Итак, Орлов решил оставить фронт, заявивши отряду, что "большевики прорвали фронт".

Орлов второй раз выступил против командования самостоятельно.

Какие причины побудили Орлова выступить второй раз и, на этот раз, оставить фронт в момент, столь серьезный для фронта? Об этом трудно сейчас сказать с уверенностью, но имеются две версии, которые мы и приведем. По первой версии, Орлову с отрядом было приказано выступить на фронт против наступавших большевиков. Орлов, однако, раздумывал, совещался со своими помощниками, и вот как сообщает П. о решении: "Было два выхода: или, выполняя соглашение с командованием, принять сражение, войдя в соприкосновение с красной армией, прорвавшейся южнее Юшуни; или же, при встрече с противником, перейти на его сторону. Орлов нашел третий, свой выход и, заранее обрекая свой отряд на гибель, бросился в горы"... По второй версии ген.Слащев требовал от Орлова отчета в деньгах, выбранных Орловым из казначейств в Симферополе, Алуште и Ялте. Орлов упорно отказывался, и в результате Слащев потребовал его приезда в Джанкой. Орлов, зная Слащева и предвидя плохой конец, решил сняться с отрядом и покинуть фронт. Разбирая эти две версии, первая версия кажется более правдоподобной. Орлов, зная настроение части своего отряда *) и своих ближайших помощников, выйдя на фронт - возможно - невольно открыл бы фронт, и получилась бы катастрофа. Боясь результатов этого, ответственности, он ушел дальше от фронта, не сознавая, однако, что будет дальше. Против второй версии говорит то, что, будучи в Джанкое, ген.Слащев имел достаточно времени и возможности для расчета с Орловым по делу о деньгах. Имея силу и иные средства в своих руках, Слащев легко мог разделаться с Орловым.

Ген.Слащев, однако, был предупрежден об измене Орлова двумя офицерами, отправившимися пешком в Джанкой для донесения Слащеву о предполагавшемся уходе Орлова. Немедленно были приняты меры для захвата отряда, двинувшегося в направлении на Симферополь. С Перекопского фронта в догонку Орлову были брошены три эскадрона Ингерманландского полка (Яновский) и из Джанкоя конвой ген.Слащева под командой кап.Мизерницкого. Отряд был настигнут под Сарабузом (недалеко от Симферополя). "Пулеметная команда и прочие, - вспоминает полк. Яновский, - думали, что за ними гналась красная конница. Орлов сказал им, что большевики прорвали фронт". Многие чины Отряда, увидевши, в чем дело, сразу же бросили Орлова, а он, кап.Дубинин и горсть оставшихся верными ему ускакали на конях и тачанках. Догнать их не могли, и они укрылись в горах, где к тому времени Орлов имел много

---

*) Говорим - части, так как в нем, как увидим дальше, было много офицеров и добровольцев, верных командованию.

знакомых татар, которые укрывали его, да и он сам знал местность очень хорошо. Чины же его отряда, сдавшиеся под Сарабузом, признали все безрассудство действий Орлова, вступили в части Армии и верно служили до самого конца.

Ген.Слащев отдал приказ с сообщением о ликвидации отряда Орлова, в котором говорилось:

"3 марта капитан Орлов опять нарушил долг службы. Приказом № 57, посланным вам в копии, я объявил его преступником и подлецом, о чем разбросал воззвания с аэроплана по его войскам и сего марта послал войска и выехал на Сарабуз, так как Орлов пошел на Симферополь. Пока сдалось 157 орловцев Южному карасубазарскому отряду, трофеев Северного отряда еще не знаю. Арестован штаб Дубичина и все бумаги с печатью, а сам Орлов остался с 16 человеками и мечется в охваченном районе. Постараюсь и его поймать. Потери Орлова огромны. Слащев":

Вскоре (дата неизвестна) кап.Орлов из Бахчисарая послал ген. Слащеву телеграмму следующего содержания:

"Срочно, военная, ген.Слащеву, копия начгарнизону Симферополя, Ялты, Алушты, Начдив 34, 13, 9 и всем частям фронта и тыла.

Сегодня мною с одним из моих отрядов занят Бахчисарай и временно задержаны все должностные лица, другие отряды двинулись на Ялту через Алушту и кавалерийские части - на Севастополь. Объявляю всем воинским частям, что ген.Слащевым был допущен подлый поступок, недостойный русского офицера, каковым себя, кажется, считает. 4-го марта по его приказанию 9-й кавалерийской дивизией полковника Выграна был открыт в упор орудийный огонь по мирно идущей обозной колонне моих отрядов, не стесняясь даже присутствием в колонне одиннадцати санитарных двуколок с больными и медицинским персоналом. Возмущенный столь подлым поступком, призываю все офицерство и солдат, оставшихся честными долгу перед родиной, поднять, наконец, высоко голову и громко сказать: "Довольно подлостей и преступлений от высшего командного состава! Довольно быть рабами и слепо идти за преступниками, губящими дорогую нашу Россию!" Всех русских патриотов, офицеров и солдат призываю к себе.
Если у вас, генерал, осталась хоть капля чести, то вы разошлете копию этой телеграммы всем вышеуказанным. Капитан Орлов."

Ген.Слащев, объявляя эту телеграмму в своем приказе "по войскам, обороняющим Крым, и во все газеты", отвечает на нее:

"Объявляю комическую телеграмму капитана Орлова за № 888 из Бахчисарая.

(следует текст телеграммы).

Мне остается спросить капитана Орлова: 1) Почему вы подчинились моему приказу - не потому ли, что я пригрозил вам опубликовать нашу переписку? 2) Почему вы вторично восстали - не потому ли, что я потребовал от вас отчета в деньгах? 3) Почему

вы считаете себя защитником России - неужели потому, что вы бежали с фронта? 4) Почему вы объявляете о движении своих армий во все города Крыма - неужели потому, что имеете 16 человек?

Повторяю, что работаю для России и таких людей, как вы, которые украли 10 миллионов, считаю своими врагами. Как назвать человека, клявшегося мне в беззаветной службе Родине и в то же время не выдававшего своим людям содержания и довольствия, украв 10 миллионов и получив от меня три миллиона и 550 комплектов английского обмундирования на 300 человек? Я своего мнения высказывать не стану, боясь, что русские люди выскажутся так, что неприлично опубликовать в газетах. Требую от вас только - дайте отчет в 13 миллионах народных денег и 550 полных комплектах обмундирования и явитесь на гласный суд. В противном случае вы - вор. Слащев."

Орлов с остатками своего отряда присоединяется к бандам "зеленых", скрывавшихся в горах. Большевицкое подполье, надежды которого Орлов не оправдал (не выпустил политических заключенных из тюрьмы в январе), не поддерживало его, и, как пишет Макаров, "красноэеленые", то есть "зеленые" большевицкого толка, не имели связи с ним. К Орлову, однако, в горах присоединялись укрывавшиеся в горах и деревушках дезертиры. Он изредка появлялся на Алуштинском шоссе, нападая на проезжающих и одиночных стражников. На более крупные предприятия он, повидимому, не решался. Орлов терял популярность в рядах офицерства и в рядах тех политических и общественных кругов Крыма, которые возлагали на него какие-то надежды.

Оставил Орлова и его ближайший помощник кап.Дубинин, пытавшийся возвратиться в свой Марковский пех.полк, когда полк, в составе частей Добровольческой армии, эвакуированных в середине марта 1920 года из Новороссийска, прибыл в Крым. В книге "Марковцы в боях и походах..." на стр.237 описывается "возвращение" в свой полк кап. Дубинина и его дальнейшая судьба:

> "Приказом 29 апреля ген.Врангель освобождал от всяких наказаний и ограничений по службе воинских чинов, не только перешедших из Красной армии, но и тех, кто был взят в плен, с оговоркой: если не оказывал сопротивления...
>
> В связи с этим приказом, Марковцев взволновало и возмутило "дело" с кап.Дубининым... Будучи раненым, он эвакуировался в Крам, где примкнул к восстанию кап.Орлова, поднятому, как протест против беспорядков в тылу. Это восстание ген.Слащев не мог подавить, и только со вступлением в командование ген.Врангеля, ставшего твердо наводить порядки, восстание кап.Орлова потеряло свой смысл, и его отряд стал распыляться. Кап.Орлов, однако, продолжал скрываться, а кап.Дубинин вернулся к полк.Слоновскому и был зачислен в полк.
>
> Несмотря на приказ ген.Врангеля, ген.Слащев тем не менее продолжал вылавливать "орловцев". Это знал и ген.Кутепов, и полк. Слоновский. Ген.Кутепов приказал сохранять в полной тайне пре-

бывание кап.Дубинина в полку и запретил куда-либо отправлять его. Но полк.Слоновский, соблазнившись предложением кап.Дубинина привести в полк человек до 150-ти "орловцев", отправил его в Симферополь. Уже там, в хозчасти полка, стали собираться "орловцы", как разведка ген.Слащева напала на следы кап.Дубинина. Последнему оставалось ехать в полк, но по дороге он был схвачен "слащевцами". Ген.Слащев, не снесшись с полк.Слоновским, несмотря на то, что кап.Дубинин был в марковских погонах, повесил его. Ген.Слащев все еще чувствовал себя полным хозяином Крыма и, не задумываясь, нанес оскорбление Марковцам. Досадно было еще и то, что 2-й полк лишился значительного пополнения".

Зная суть "восстания" кап.Орлова и ту роль, которую играл в этом позорном деле кап.Дубинин, трудно согласиться с заключением Марковцев, защищавших его и считавших его невинной жертвой "слащевцев". *)

Когда Дубинин оставил Орлова, нам неизвестно, но можем предполагать, что это случилось после 29 апреля, то есть приказа ген. Врангеля, о котором упоминается в выдержке из книги "Марковцы...". Почти два месяца Дубинин был с Орловым после второго выступления и немного меньше после прибытия марковских частей в Крым. Невольно встают два вопроса: 1) почему Дубинин оставил Орлова? и 2) почему только после 29-го апреля? Потому ли, что он действительно честно раскаялся и честно желал присоединиться к полку (но почему так поздно?)? Потому ли, что он разошелся с Орловым, не видя там больше тех возможностей, которые соединили их в начале? Или, наконец, по какой-либо иной причине, исполняя чье-то поручение?

22-го марта 1920 г. генерал Врангель вступил в командование Вооруженными Силами Юга России вместо ушедшего ген.Деникина. Приступив к ряду реорганизаций, ген.Врангель принял более серьезные меры по борьбе с зелеными и, в частности, с группой Орлова. Свободных сил было недостаточно, и борьба была сильно затруднена, тем более, что Орлов имел много друзей среди татарского населения, которые его поддерживали и снабжали необходимой информацией. Так он и прожил в горах до эвакуации нашей армии и прихода красных войск в Крым в начале ноября 1920 года. В результате, Орлов с остатками своего отряда спустился с гор и добровольно сдался в руки новой власти - красным.

---

*) В данном случае будет уместно привести выписку из той же книги (стр.37):

"30 мая 1919 г. В роты, помимо всяких распоряжений, передано и предупреждение: красные проводят засылку своих людей в ряды армии под видом "добровольцев" с целями шпионажа, морального разложения и для того, чтобы из рядов самой Добрармии население слышало бы разговоры о слабости и обреченности ее. Приказывалось быть бдительными и принимать добровольцев в роты, даже из пленных, только после серьезной проверки". Дальше описывается случай взятия в плен 60 человек "из специально отобранных людей, смелых, с хорошо подвешенным языком - ...вся партия была расстрелена...". Это только за месяц до сдачи в плен кап.Дубинина.

Что побудило Орлова добровольно отдать себя и свой отряд в руки красных? Амнистия, объявленная красными? Надо полагать, что он рассчитывал на то, что его услуги будут приняты во внимание, что он заслуживает снисхождения, ибо: 1) он не так давно вел игру с подпольщиками и не причинил им зла, хотя и не выполнил их предложения - освободить политических заключенных из Симферопольской тюрьмы; 2) был в "оппозиции" к командованию белой армии и даже арестовывал ее представителей; 3) отказался от активной борьбы с большевиками, покинув, вопреки приказу ген.Слащева, фронт; 4) несколько его ближайших сотрудников (кап.Дубинин, командир роты шт.кап.Рубан и др.) были повешены по приговору военно-полевого суда в Джанкое; 5) на него распространяется "амнистия" по отношению к бывшим белым, объявленная большевиками.

Однако, расчеты Орлова оказались ошибочными, и Особый Отдел 4-й Красной армии по приговору своей "тройки" расстрелял Орлова. Вот как описывает один (Р.) из бывших в то время в Симферополе: "Отряд сошел утром с гор и выстроился перед женской гимназией на Дворянской улице, где помещался Штаб ЧОН'а - частей особого назначения 4-й советской армии. Вызвали братьев Орловых - Николая и Бориса - для заполнения анкет. Вошли они в здание (угол Дворянской и Губернской), братьев посадили в отдельные комнаты писать анкеты, и во время заполнения анкет им сзади в затылок были сделаны выстрелы, тела их были завернуты в рогожу и вывезены на грузовике, который выехал незаметно через ворота на Губернскую улицу. Отряд стоял до ночи, и, наконец, из ЧОН'а вышли и предложили расходиться по домам, Орловы не выйдут. К тому же матери, сестры и жены чинов отряда подошли к отряду, прося родных идти домой. Самые последние стойкие орловцы ушли домой к полуночи". Сведения эти, как пишет Р., были собраны Е.С.Орловой, женой кап.Н.Орлова.

Итак, выстрел сзади чекистом покончил последнюю главу "орловщины" или "орловского движения" и покончил с кап. Николаем Орловым, доблестно начавшим свою воинскую карьеру на полях 1-й Мировой войны, продолжавшим ее в Добровольческой армии и, наконец, бесславно окончившим ее, изменив Белому движению, которому он в 1918-1919 годах посвятил столько своих сил.

Часть третья.

Предлагаемое повествование о кап.Орлове и "орловщине" было бы неполным, если бы мы не попытались анализировать все вышеизложенное и не сделали бы некоторых выводов и заключений. Был ли это "авантюризм и хлестаковщина"; было ли это "идейное движение", как думают некоторые; или, быть может, он просто попался на удочку большевиков и выкрутиться уже не мог - стал игрушкой в их руках? Какова причина, что в тылу армии мог возникнуть бунт и его возглавил именно Орлов, а никто другой, принимая во внимание, что действие происходило в Крыму? На эти вопросы в настоящее время можно ответить, зная, хотя и приблизительно, характер и настроение Орлова и обстановку, сложившуюся к тому времени в армии на юге России, а особенно в ее тылу.

Попытаемся это сделать.

Орлов, насколько представляют знавшие его, не выделялся умственными способностями, был в этом отношении, может быть, не выше среднего уровня. Однако, он отличался уже с ранних лет выдающимися физическими качествами: был сильно развит телесно, живой, могучая фигура, огромная сила. Был он также выдающимся футболистом в гимназические годы - это в то время, когда у нас футбол входил в моду - был героем всех энтузиастов футбола. Эти качества его отличали между всей учащейся молодежью, он чувствовал свое в этом превосходство, он был всегда там, где нужно было проявить силу. В эти моменты бывал он и жесток (это качество проявлялось у него и в последние годы). Популярность его в среде молодежи и вообще населения была большая. Физическое превосходство и необыкновенная популярность развили в нем самоуверенность, соединенную со страшным самолюбием, что при ограниченности в остальных качествах могло его легко свести с правильного пути. В то же самое время он, казалось, не обладал очень сильной волей - был довольно мягкого характера, и не требовалось много усилий, чтобы изменить его решение: он легко поддавался влиянию более сильного интеллекта и более сильной воли.

И вот, обладая такими качествами, волею судьбы и его популярности Орлову, вольно или невольно, пришлось принять на свои плечи большую задачу - организовать отпор большевизму в Симферополе и стать его руководителем. Он с полной энергией, с энтузиазмом взялся за это дело, популярность его сыграла огромную роль. Но обстоятельства были против него. Первая попытка отпора большевизму в январе 1918 года кончилась неудачно для него не по его вине. В конце того же года начатое им с такой энергией дело формирования полка было взято из его рук и передано другому для продолжения - командиром части, которую он с таким энтузиазмом и любовью формировал, был назначен другой, а ему была предоставлена второстепенная роль командира батальона. Самолюбие его было страшно затронуто - дальше он уже не мог проявлять себя активно, как он себе представлял. Это был первый удар для него, не считая неудачи в январе.

Пополнение и снабжение полка шло слабыми темпами, и складывалось впечатление, что штабы ничего не делают. "Жизнь его (ген. Боровского, ВА) и штаба не могла поддержать авторитет командования, вызывала ропот..." - так характеризует ген.Деникин положение в Симферополе в начале 1919 года в книге "Очерки Русской Смуты". Огромный штаб занимается своими удовольствиями, офицерство ропщет, налегает на своего командира - Орлова, - и результат: рапорт командира полка, принявший в глазах штаба форму "бунта" или, как пишет ген. Деникин, "нечто вроде бунта". Это было первое серьезное недовольство командным составом, прибывшим из тыла.

Операции его батальона в Северной Таврии и полка на Перекопе оставили след на настроении Орлова. Не было того, что он ожидал.

Не оправившись морально после неудачи на Перекопе и отступления, Орлов отправлен в командировку в Екатеринодар в Штаб В.С.Ю.Р. в мае 1918 г. Здесь он еще больше соприкоснулся с тылом: о фронте,

казалось ему, никто не думает, удовлетворяют свои потребности и только. Чувствовалось какое-то разложение тыла. Результат - разочарование, большое падение настроения и веры в благополучный исход Белого дела. Выраженное им в июле добровольное желание отправиться в Сибирь - покинуть им же созданный полк, в котором было много его друзей, к тому же уроженца Крыма - было, очевидно, проявлением его разочарования, раненого самолюбия и чувством неуверенности в себе.

Двухмесячное пребывание в Таганроге на полуэтапе в среде офицеров, ему подобных, с его же настроениями; наблюдение тыловой жизни в те дни, когда фронт истекал кровью, еще больше поколебали его веру в победу при таких обстоятельствах. Его слова ко мне, о которых было сказано раньше, - "будет обер-офицерская революция" - были, несомненно, плодом всех его наблюдений, обстоятельств того времени и, конечно, влияния лиц, с которыми он соприкасался. Возвратившись в Симферополь, оставшись не у дел, он был в таком состоянии, что слабый нажим на него более сильного характера мог легко вывести его из состояния неуверенности в состояние "бунта". Отступление армии, непосредственная угроза Крыму подтверждали предвиденное им, и все это подогревало его состояние. Встречаясь с друзьями и знакомыми офицерами, он делится с ними своими мыслями, встречает сочувствие среди молодежи, и это еще более убеждает его в актуальности его мыслей и в необходимости что-то делать. В это время судьба свела его с кап.Дубининым, который находится в Симферополе на излечении. О кап.Дубинине мы узнаем из книги "Марковцы...", "что он на всех произвел впечатление крайне мужественного начальника, владевшего своими подчиненными и собой, Ни тени смущения, растерянности... В Дубинине всеми чувствовалась огромная моральная сила, и перед ней не устоял командир батальона кап.Слоновский". Князь Романовский определяет личность Дубинина так: "Очень сильная личность, причем точно мыслящая и отлично знающая, чего он хочет. Он импонировал всем своим существом". Конечно, перед человеком таких качеств не устоял и Орлов.

Орлов, уже морально разложившийся, сомневающийся, с ослабевшей волей, но желающий найти какое-то решение задачи, которая, казалось ему, стоит перед ним, попадает под влияние Дубинина и других лиц. Дубинин, "отлично знающий, чего он хочет", нашел в нем - в Орлове - подходящего человека: он, как человек сильной воли, сразу же подчинил волю Орлова себе. Было ли это в целях помочь Орлову в осуществлении его мыслей или во исполнение какой-либо директивы - это вопрос, но во всяком случае, не в пользу Белого дела. Дубинин сразу учел большую популярность Орлова в Крыму, которая была силой, привлекающей молодежь (офицеров и добровольцев). Дубинин полностью овладел Орловым.

Постепенно вокруг Орлова собирается группа его единомышленников, искренних и неискренних; образуется окружение, ободряющее его к каким-то шагам, для проведения которых в жизнь он не имел силы - силы физической. Руки его были связаны. Положение его было таково, что он даже не отказался связаться с подпольщиками-большевиками, которые, конечно, охотно пошли ему навстречу, желая, в свою очередь, использовать его в своих интересах.

По всем признакам можно судить, что мысли Орлова - особенно очищение тыла - находили какое-то сочувствие как в среде военных, так и в среде населения. Это сочувствие еще больше поднимало его популярность и разжигало его самолюбие и самоуверенность. Теперь необходимо было что-то - может быть, случай, - что помогло бы развязать его руки , чтобы он мог получить силу.

Этот случай не заставил себя долго ждать!

"Конечно, пригласите Орлова! Он молод и очень популярен!" - Эти слова, сказанные князю Романовскому, решили все. Орлов, выслушав князя, сразу же согласился на формирование отряда. Как же он мог не согласиться, когда он так долго и с таким нетерпением ждал этого момента, то есть получить в свои руки, и так легко и неожиданно, возможность приступить к осуществлению своих мыслей.

Авторитет и имя князя Романовского, поддержанный авторитетом ген.Слащева, конечно, повысили еще больше цену Орлова в глазах военных, не знавших его, и общественности. Получивши это, Орлов, как человек крайне самолюбивый и самоуверенный, поддержанный своими единомышленниками, видя доверие к себе, не чувствуя над собой сдерживающего начала, в сознании исключительной популярности, как говорится, "соскочил с нареза" и пошел по скользкому пути, приведшему его к печальному концу.

Анализируя выступления Орлова, первое в январе и второе в марте, бросается в глаза некоторое совпадение дат этих выступлений с активностью большевиков. 18-го января большевики повели наступление на Перекопе - на 23-ье января был назначен захват власти большевиками в Севастополе (неудавшийся - 21-го арестованы зачинщики), а 22-го января Орлов выступил, желая захватить власть в Симферополе. Случайное ли это совпадение или нет? 11-го февраля большевики наступают опять - Орлов подчиняется и выходит ближе к фронту. Наконец, большевики наступают и прорываются у Перекопа в конце февраля - Орлов отказывается выступить на фронт. Опять -таки - случайно ли это? По некоторым данным, приведенным раньше, можно предполагать, что все это не было случайным. Как нам кажется, решения Орлова в январе уйти в горы, а в марте уйти в тыл (горы) - были в разрезе с планами красного командования, надеявшегося, что отряд Орлова откроет фронт. Можно полагать, что Орлов не решался на предательство - спровоцировать вооруженное столкновение в Симферополе или, открыв фронт, обратить оружие против вчерашних друзей и единомышленников.

Только что приведенные заключения как бы подтверждаются выводами большевицкого писателя Я.Шафира, который говорит:

"1) Тыл белогвардейцев в Крыму в конце декабря 1919 года и в январе, феврале и начале марта 1920 года был очень легко уязвим. Немногочисленный отряд, руководимый людьми, опытными в военном деле, в состоянии был сделать очень много для срыва последнего фронта [illegible] добрармии.

2) К тому времени революционные организации такой силой не обладали. Не использовав подходящего момента, подпольные организации очутились в крайне тяжелом положении, и дальнейшая их работа по созданию "зеленой армии" уже не могла иметь того значения, которое она имела бы, если бы эта армия создалась в начале 1920 года".

Большевики-подпольщики и ближайшее окружение Орлова, руководимое извне, просчитались в Орлове, полагая, что он слепо и полностью пойдет по указываемому ему пути. Полагаем, зная до известной степени Орлова, что в последний момент Орлов приходил в себя и старался уйти с неправильного пути, но вследствие своей недальновидности и неопытности попадал в худшее положение.

Разбирая поступок Орлова - "орловщину" - считаем необходимым кратко остановиться на обстоятельствах, которые также сыграли большую роль во всей этой эпопее.

Прежде всего вспомним некоторые факты, указанные в нашем повествовании, которые уже сами за себя говорят, до известной степени, об общем положении: 1) случайное - другим принять его нельзя - назначение Орлова формировать отряд; само формирование отряда - кустарным способом; 2) наивное, ничего не видящее руководство военной жизнью в тылу; 3) авантюристический характер экспедиции ген.Покровского в Ялте; 4) растерянность наверху и потуги некоторых к захвату власти в Крыму; 5) странное поведение Слащева в отношении к Орлову - примирение, лобызание, недальновидность. Могло ли бы все это быть при нормальном положении?

Состояние тыла армии сыграло очень значительную роль. Уже в самом начале формирования Симферопольского Офицерского полка в конце 1918 года в Крыму была видна неспособность тыла организовать снабжение сравнительно небольших войсковых частей. Поведение чинов тыла, присланных, главным образом, из Екатеринодара, не отвечало обстановке. Это не было местное явление, однако. То же самое было, к глубокому сожалению, и на других частях фронта. Администрация, как военная, так и гражданская, не всегда была на высоте - бюрократизм, взяточничество, грабежи и т.п. процветали и не пресекались в корне. С продвижением армии вперед в направлении на Москву тыл расширялся и, в упоении успехами, постепенно разлагался. Неожиданный крах фронта, тяжелое и быстрое отступление армий в ноябре и позже, приближение фронта к бывшему глубокому тылу, жившему до сих пор беззаботно под охраной армии, внесло еще большее расстройство в тылу. Характерен в этом смысле рапорт ген.Врангеля ген.Деникину от 9-го декабря 1919 года за № 010464, где он докладывает о положении на фронте Добровольческой Армии. То же самое было и на других фронтах. Капитан Орлов сам, собственными глазами видел это; фронтовое офицерство, испытавшее на себе тыловые порядки, не могло не соглашаться со взглядами Орлова, что тыл прогнил и должны быть приняты какие-то меры для оздоровления его.

Нельзя отрицать еще одно обстоятельство: это - недовольство молодого фронтового офицерства старшим - отсюда мысль об "обер-офи-

церской революции". Уже во время Великой войны, особенно в конце, можно было это наблюдать - старого кадрового офицерства осталось мало, на командных должностях, до командиров батальонов включительно, были офицеры военного времени - молодежь. В гражданскую же войну проявилось это недовольство особенно, ввиду особого характера войны. Большой процент старших офицеров был далеко не на высоте, не за отсутствием личной доблести, а потому, что они просто не смогли приспособиться к совершенно новой, особенной для них тактике, тактике чистой партизанщины, где личная инициатива, быстрота решений играли главную роль, решали дело. Стоит вспомнить имена молодых генералов Тимановского, Туркула, Манштейна и других. Ген.Деникин, оценивая действия ген.Слащева в Крыму на перешейках, говорит о нем, между иным: "...он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо. ... Эта тактика (ген.Слащева. ВА), соответствовавшая духу и психологии армий гражданской войны, вызывала возмущение и большие опасения в правоверных военных....."

Указанные обстоятельства, несомненно, сыграли свою роль, почва для всяких вольных и невольных экспериментаторов была очень плодородна. Попади все дело в руки более опытного и твердого в политическом и военном отношениях человека, чем Орлов, положение Крыма в то время было бы катастрофическим, там более, что, как один из моих корреспондентов пишет, "симпатии всех, надо сказать правду, были на стороне Орлова".

Заключение.

В заключение нашего повествования хотелось бы ответить на ряд вопросов. Ответы основываются на уже изложенных данных о жизни Орлова и на анализе важнейших моментов его деятельности.

"Все выступление от начала до конца имело характер неумной авантюры" - определяет ген.Деникин "дело Орлова". С этим определением, зная все происходившее, можно согласиться, но был ли Орлов авантюристом? Таковым он, по нашему мнению, не был. Обстоятельства сломили его волю, он, если можно так сказать, находясь в отчаянном положении, тяжело переживал происходящее, искал выхода, но найти его не мог - его кругозор был слишком ограничен. И в этот момент "пришли ему на помощь": во-первых, случай, а во-вторых - те, кто ждали момента, чтобы внести смуту в тылу Белой армии. Они воспользовались его именем, его особой, его популярностью, достигли известного успеха и превратили все в авантюру.

Об идейности "орловского движения" говорить нельзя - это не было "движение", руководимое какой-то "идеей", это был "бунт" против сложившегося положения, использованный искусно большевиками, которым, само собой разумеется, он был на руку. Орлов оказался игрушкой в руках большевиков и, наконец, жертвой своего собственного неблагоразумия.

"Обер-офицерская революция" - под таким названием зародился в

уме кап.Орлова план, который он пытался позже осуществить. Было ли его выступление "революцией"? Конечно, нет, тем более "обер-офицерской". Если и было недовольство в среде младших офицеров - "обер-офицеров", - то оно не было в такой степени, что могло выразиться в вооруженном неповиновении своим начальникам. В большинстве строевое молодое офицерство было патриотично и исполняло свой долг с самопожертвованием - многие тысячи павших молодых офицеров тому доказательство.

"Бунт", возглавленный кап.Орловым, если даже условно, с очень большой натяжкой, допустить его целесообразность (очищение тыла и усиление обороны армии), не мог быть оправдан ни тогда и не может быть оправдан сейчас. Со способом борьбы нельзя согласиться, учитывая положение фронта и общее политическое положение в те дни на Юге России. Не оправдали его и большевики, не помиловали его: он мог быть впоследствии опасен для них. "Орловщина по существу являлась контр-революционной затеей", - заключает большевик Я.Шафир.

"Бунт" капитана Н.Орлова вошел в историю Белого Движения позорной страницей: начатый по мысли Орлова с благой целью, превратился в авантюру, и в результате пуля чекиста бесславно окончила жизнь честного и доблестного в свое время офицера, пошедшего по скользкому неправильному пути.

В.Альмендингер.

ДОБАВЛЕНИЯ к статье "ОРЛОВЩИНА".

1. К числу лиц, упомянутых в предисловии и воспоминания коих (письма) были использованы, следует прибавить Л.Рубанова, Н.Дахова и М.Губанова.

2. После напечатания второго раздела статьи (№ 61-62) мною было получено небольшое воспоминание от Г, интересное и дополняющее описание первого выступления Орлова в ночь с 21-го на 22-ое января (см. стр.28). Привожу его полностью:

   "Отдельная тракторная 5-дюймовая батарея следовала эшелоном из Севастополя в Джанкой. На рассвете, прибыв в Симферополь (я был караульным начальником ефрейторского караула при орудиях на платформах), наш эшелон был окружен группой около десяти мотавшихся солдат в разных формах во главе с вольноопером с красными погонами и белым кантом. Этот юноша заявил, что мы арестованы и что они - Симферопольский полк кап.Орлова. Я заметил ему, что это глупость - нас 130 человек при 4-х орудиях и 2-х пулеметах. В результате разговора появившегося орловского офицера с нашим командиром батареи, мы простояли целый день в Симферополе при оружии, а ночью орловцы исчезли. Рано утром прибыл на вокзал бронепоезд "Солдат" и около взвода Ольвиопольских улан, а мы вечером двинулись далее на Джанкой."

3. На стр.19 (№ 61-62) в строчке 17 снизу следует читать: "в двадцатых числах декабря 1919 года".

В.В.А.